

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТЕОРИИ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 316.4

ОСНОВЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИТОВСКИХ ТАТАР: ИСТОРИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ И СОВРЕМЕННЫЙ РАКУРС*

С.М. Червонная

*Университет им. Николая Коперника,
Торунь, Польша
swetlana@umk.pl*

Предметом авторского исследования, итоги которого отражены в настоящей статье, является этническая группа «литовских татар», получившая свое название от наименования государства – Великого Княжества Литовского, на территории которого началось ее формирование в Средние века. Ныне эта единая в культурно-историческом измерении группа складывается из трех общин, проживающих в Польше, Литве и Белоруссии и имеющих правовой статус этнических меньшинств в составе населения (и в поле национального гражданства) этих трех независимых государств. История и культура литовских татар (прежде всего, памятники материальной культуры: деревянные и каменные мечети, мусульманские кладбища – *мизары*, рукописные книги – *китабы* и молитвенники – *хамали*, оригинальные произведения живописи и графики – *мухирь*, подобные *шамашям* казанских татар) давно находятся в поле внимания европейских исследователей, включая ученых из среды самих литовских татар, и обеспечены богатой литературой в сфере смежных гуманитарных наук. В то же время в этой литературе очевидны существенные противоречия и заметные пробелы. Острые дискуссии разворачиваются вокруг дефиниции и терминологического определения данной группы (правильно ли называть «литовскими татарами» всех ее членов независимо от их нынешнего гражданства, можно ли считать их самостоятельным этносом или следует рассматривать в качестве «этнографической группы»). Наименее изученным является вопрос об основах идентичности этой группы в современных условиях ее разделения между тремя государствами. Именно на этих, дискуссионных, спорных и мало изученных проблемах сосредоточено внимание автора статьи.

Ключевые слова: татарские общины в Польше, Литве, Белоруссии, этническое самосознание, идентичность, культура литовских татар

* Рис. 1–5 к статье см. на цветной вклейке (стр. 1–3).

История и историография вопроса

Татары появились на территории Великого Княжества Литовского в XIV в.¹. Исторические источники свидетельствуют о том, что прибыли они сюда из Золотой Орды, частично как пленные, взятые в итоге похода Витаутаса Великого в донские степи, частично как добровольные союзники (полководцы, а также рядовые воины-ордынцы²). Боевые отряды татарской конницы размещались на границах Великого Княжества Литовского, где возникали их постоянные колонии. Характерной формой и основной ячейкой формирования татарского общества в Литве были военные поселения. В большинстве своем татарские переселенцы происходили из Крымского улуса Золотой Орды.

Татарам в Великом Княжестве Литовском, а после Люблинской унии 1569 г. в объединенном Польско-Литовском государстве – в Первой Речи Посполитой – была обеспечена свобода вероисповедания, разрешалось строить мечети и вступать в смешанные браки с женщинами христианского вероисповедания. Дети от этих браков сохраняли веру отцов, оставались мусульманами, но быстро забывали и утрачивали язык своих татарских предков по отцовской линии. Исмаил Гаспринский писал об этом: «Вследствие того, что жены поселенцев-татар не понимали вовсе по-татарски, уже первое поколение литовских татарчат говорило больше языком матери, т. е. по-литовски, чем по-татарски, так что через несколько поколений татарский язык исчез из употребления, и язык литовский стал национальным языком татар» [4, с.53]. Первоначальную роль такого «национального языка татар» в Великом Княжестве Литовском играл устный белорусский язык; «распределение» польского, литовского и белорусского языков по местам их проживания с соответствующим приобщением к системам образования и письменности произошло позднее.

История формирования татарских общин на землях Великого Княжества Литовского всесторонне изучена. Обширная литература на эту тему, существующая на нескольких языках, уходит своими корнями в исторические хроники, записки путешественников, документы бесспорной (или сомнительной) аутентичности Средневековья и эпохи Возрождения (Реформации/Контрреформации) и завершается исследованиями современных ученых. Эта литература складывается из работ, намечающих общие контуры этногенеза и исторического развития данной группы [10, 79, 1, 2, 59, 22, 24, 42, 56, 7, 5, 23, 9, 45, 14, 60, 6 – в хронологической последовательности

¹ В 1997 г. отмечалась символическая 600-летняя годовщина поселения татар на землях Великого Княжества Литовского.

² В 1395 г. в Литве нашел убежище татарский хан Тохтамыш, потерпевший поражение от Тимура, а через несколько лет сын Тохтамыша царевич Джелал-ад-Дин участвовал в Грюнвальдской битве (15 июля 1410 г.), и его легкая кавалерия сыграла важную роль в победе объединенных сил, возглавленных Великим князем Витаутасом, над Тевтонским орденом.

данных изданий], в том числе в сравнительном сопоставлении с другими группами татарской супер-этнической общности [35], и публикаций, посвященных отдельным периодам длительной истории [57, 81, 68, 66, 67, 18, 51, 81], меняющемуся социальному и правовому статусу [74, 75], различным пластам культурного наследия [50, 44, 39, 40, 38], языку, периодической печати, литературе [26, 28, 36, 32], фольклору, народному и профессиональному искусству, тем или иным сторонам традиционного быта, религиозной жизни [16, 27, 29, 52, 29, 72], общественной и политической деятельности (организациям) литовских татар, персональным биографиям не только выдающихся личностей, но целых семейных кланов [41, 65, 64]. В укрепление столь богатой историографической основы внесли свою лепту как выходцы из самой среды литовских татар, издавна проявлявшие живой интерес к историческому прошлому, к культуре своего народа, пытавшиеся ответить на основные вопросы, определявшие этническую и гражданскую идентичность, «национальный характер», основы патриотизма («Кто мы?», «К какой цивилизации мы принадлежим?», «Частью какой современной нации мы являемся?»), так и многочисленные «наблюдатели со стороны», как близкие соседи, так и исследователи, не связанные ни личной принадлежностью к данной группе, ни гражданством тех государств, в границах которых она сформировалась и развивается, в том числе авторы, ставившие своей целью популяризацию знаний об историко-культурном феномене «литовских татар» среди читателей своих стран (вспомним в этой связи исследование английского историка Гарри Норриса [70]).

Документальную базу знаний и представлений о «литовских татарах» в современном мире формируют законодательные акты, связанные, в частности, с официальным признанием татарских общин в качестве этнических меньшинств Польши, Литвы, Белоруссии, свидетельства о регистрации их общественных, религиозных, просветительских организаций. Публикации уставов, статистические данные, указывающие численность татар в очередных переписях населения, отчеты о выделении бюджетных средств на поддержку культурных инициатив складываются в широкое полотно достоверных и актуальных на сегодняшний день сведений, позволяющих судить и о географии (местах проживания), и о демографической динамике, и о формах организации татарских общин – характере их религиозных институтов, творческих коллективов, и о ценностях, сосредоточенных в музеях, и о комплексах памятников культурного наследия, находящихся под государственной охраной.

Таким образом, мы никак не можем считать литовских татар ни «неизвестными», ни «забытыми» среди европейских народов. Это не значит, однако, будто не осталось никаких белых пятен, никаких поводов для сомнений и дискуссий на широком полотне исторических и культурологических исследований данной группы.

*Червоная С.М. Основы идентичности литовских татар:
исторический фундамент и современный ракурс*

Дискуссии вокруг дефиниции и терминологии

В прошлом представителей данной группы чаще всего называли «литовскими татарами» (имея в виду их проживание на землях Великого Княжества Литовского), а также – «липками» (от турецкого наименования жителей Литвы, распространявшегося на «литовских татар»). Гражданская принадлежность к трем разным государствам стимулировала в XX в. дифференциацию самоназваний; своего рода политическая корректность обязывала татар, ставших гражданами Польши, называть себя польскими татарами; татар, ставших гражданами Литвы, – литовскими татарами (уже не в прежнем, историческом, а в новом смысле, соответствующем их лояльности молодой Литовской Республике); татар, оставшихся в Белоруссии, – белорусскими татарами. Это касалось не только названий организаций, подлежащих официальной регистрации в разных странах («Союз польских татар» в Польше, «Община литовских татар» в Литве и так далее), их печатных органов («Rocznik Tatarów Polskich / Ежегодник польских татар», печатавшийся в Гданьске и Белостоке; ежеквартальное издание «Lietuvos totoriaj / Литовские татары» в Каунасе), но все глубже проникало в повседневный язык самих представителей данной группы и их соседей, называющих татар Польши – «польскими», татар Литвы – «литовскими», татар Белоруссии – «белорусскими», несмотря на то, что по сути это одна и та же этническая группа, имеющая общее происхождение. Единственным термином, адекватным этой общности, может служить трехчастное определение «польско-литовско-белорусские татары», но при этом совершенно очевидны его стилистическое несовершенство и явно неполное соответствие мышлению самих татар, редко применяющих по отношению к себе столь сложный «трехгосударственный» эпитет. Практически в современной научной, художественной литературе, политическом лексиконе, журналистике и в обыденной речи на равных началах используются разные этнонимы: соответствующий давней исторической традиции этноним «литовские татары» (его турецкий эквивалент – «липки» – стал анахронизмом и вытеснен из употребления), соответствующие положению граждан трех разных государств понятия «польские татары», «литовские татары», «белорусские татары» и объединяющее их всех развернутое определение «польско-литовско-белорусские татары».

Отсутствие единого терминологического обозначения осложняет задачу определения места данной группы в системе научной классификации среди современных народов Европы и само по себе отражает процессы динамичных подвижек, изменений, противоречий в общественном сознании, не выработавшем на сегодняшний день одного четкого, общепринятого этнонима. Я предпочитаю называть эту группу (для краткости и в соответствии с устойчивой литературной традицией) одним обобщающим определением «литовские татары».

Дело, однако, не только в формальных поисках единого этнонима, который можно было бы принять на основе общественного консенсуса. Острые дискуссии разворачиваются вокруг самого определения литовских татар как единой этнокультурной общности или в качестве трех совершенно разных народов, государственное, гражданское, географическое, культурное и языковое размежевание между которыми зашло уже настолько далеко и глубоко, что речь должна идти не об одной, а о трех разных группах (культурах). На сегодняшний день в этих дискуссиях (прежде всего, в самосознании самих представителей данной группы) преобладает представление о ее этнокультурном и этнопсихологическом единстве, сохраняющемся независимо и вопреки ее расчленению государственными границами трех восточноевропейских государств, независимо и вопреки ее реальному «трехъязычию» (татары, проживающие в Польше, получают образование, повседневную информацию, пишут, говорят и думают на польском языке, в Литве – на литовском, в Белоруссии – на белорусском, к тому же во всех этих трех группах функционирует в известной степени русский язык, знание которого сохранилось с «царских» и «советских» времен, и который нередко становится языком «межнационального» общения между этими группами). Пока еще сравнительно редкие голоса, утверждающие, будто польские, литовские и белорусские татары – это разные народы, тонут в подавляющей массе деклараций («Мы – единый народ») и аналогичных выводах исследователей, обращающих, прежде всего, внимание на активность постоянных культурных контактов, наличие родственных, семейных связей между татарами соседних стран и их совместную деятельность (проведение общих съездов, праздников, торжеств).

Тем не менее, нельзя игнорировать тот факт, что некоторые весьма компетентные ученые, занимающиеся этнологической проблематикой, выдвигают версии существования не одной, а трех разных групп, являющихся наследниками культуры бывших «липков» (литовских татар). Войчех Ольшевский, например, считает, что с начала XX в. произошло внутреннее размежевание некогда единой группы «литовских татар», и та ее часть (большинство), которая приняла тогда решение остаться в независимом Польском государстве (возрожденном в 1918 г.), не только получила особый этноним «польские татары», но постепенно стала отдельной, самостоятельной этнокультурной общностью, уже не идентифицирующей себя ни с литовскими, ни с белорусскими татарами – меньшими группами некогда единого народа, которые после государственных изменений, наступивших в итоге Первой мировой войны, российской революции и создания Советского Союза по доброй воле или в силу навязанных им обстоятельств решили (вынуждены были) остаться в Литве или в Белоруссии и дали начало новым этническим образованиям – современным «литовским татарам» и «белорусским татарам» [11, с.5–8].

Я все же считаю, что по всем параметрам самосознания, материальной и духовной культуры польско-литовско-белорусские татары и сегодня

составляют интегральное единство – один и тот же народ. Устойчивые культурные параметры этой этнической группы уже не зависят от того, гражданином какого государства является тот или иной ее представитель, и где он живет.

Большинство представителей этой группы проживают сегодня в Польше, Литве и Белоруссии, однако если кто-нибудь из них переедет в другую страну и даже окажется на другом континенте (как это случилось в конце Второй мировой войны с людьми, выброшенными с их родины волной вынужденной эмиграции, и как это случалось и до, и после войны с теми, кого ссылали в Сибирь), этот человек не перестанет быть литовским татаринном, куда бы ни забросила его судьба. Характерна в этом отношении история общины литовских татар, сформировавшейся в Нью-Йорке в начале XX в. Именно литовские татары, вынужденные оставить свою родину и устремившиеся на Новый континент в поисках заработка, а отчасти и в поисках политического убежища от преследований со стороны царизма, основали в Соединенных Штатах Америки первое в этой стране мусульманское объединение. Оно называлось «Общество литовских татар (Lithuania Tatar Society)», было основано 2 июля 1907 г., имело свою резиденцию в северном районе Бруклина – Вильямсбурге и свой устав, утвержденный в 1911 г. Другие объединения мусульманских эмигрантов в США появились значительно позже, в частности, организации, созданные арабскими переселенцами из Сирии и Ливана, были зарегистрированы в Мичигане (штат Иллинойс) только в 1914 г. 29 ноября 1927 г. «Общество литовских татар (Lithuania Tatar Society)» было реорганизовано в «Американское мусульманское сообщество (American Mohammedan Society)», английское название которого вскоре было уточнено как «American Muslim Society». Основной костяк этого «Общества», продолжавшего в Америке культурно-просветительскую деятельность на всем протяжении XX века, составляли именно литовские татары (на начальном этапе деятельности – около полутысячи человек), к которым впоследствии присоединились другие мусульмане, прибывавшие в США из тюркских регионов Ближнего Востока и Средней Азии, после 1922 г. – политические эмигранты из СССР. По инициативе этого общества в Нью-Йорке в 1930-х гг. была возведена мечеть (на улице Пауэрз стрит в Бруклине), которая вошла в историю мирового сакрального исламского зодчества XX в. именно как мечеть литовских татар³. Разумеется, как любая мечеть во всем мире, она

³ Подробно об этом со ссылкой на все доступные источники мне довелось написать в книге: Червоная С.М. Современная мечеть. Отечественный и мировой опыт Новейшего времени. Торунь, Польский Институт исследований мирового искусства, Издательский дом «ТАКО», 2016. С. 380–383. Более широкая проблематика этой монографии, нежели совокупность вопросов, касающихся истории, культуры и идентичности «литовских татар», является причиной того, что она не включена в приводимый ниже «Список литературы».

открыта для мусульман всех национальностей, но ее сооружение связано именно с общиной-колонией литовских татар, которая сохраняет свои культурные особенности и отличается и от всего пестрого по составу населения Бруклина, и от других мусульман и татар, имея собственное кладбище (мизар), назначая на должность имамов выходцев из своей среды (такими имамами были Сулейман Рафалович в 1930-х гг., Эмир Байрашевский в 1950-х гг.; с 1992 г. должность имама здесь занимает литовский татарин – американский гражданин Н. Рафалавичюс). Уникальная коллекция живописных и графических *мухиров*, являющихся предметами самодельного искусства и народного творчества литовских татар, составляет внутреннее убранство этой мечети.

Разумеется, это не единственный пример и довод, убеждающий в этнокультурном единстве всей группы литовских татар независимо от их нынешнего гражданства, языка и места проживания. Весь комплекс их материального и нематериального (духовного) культурного наследия свидетельствует об этом единстве.

Между тем, дискуссионное поле, связанное с дефиницией данной группы, оказывается гораздо шире и затрагивает не только вопросы их единства (или, напротив, разделения на три разные группы), но также варианты возможных определений в диапазоне между понятиями «народ» («этническая группа») и «этнографическая группа».

Актуальность возникающей в этой связи альтернативы (считать ли литовских татар самостоятельной этнической группой или этнографической группой) была давно осознана этнологической мыслью XX в. Название появившейся в 1980 г. статьи «Польские татары. Этническая или этнографическая группа?» [47, с.145] знаменовало собой и не начало, и не конец, а, пожалуй, разгар дискуссий по этому вопросу.

Большинство исследователей исходит из убеждения, что литовские татары – это особая этническая группа, самостоятельный народ (этнос), являющийся составной частью татарской суперэтнической общности, или, как писал еще в 1920-х гг. Дж. Александрович «составной частью тюркского Востока» [2, с.147]. От «других» татар (поволжских, чаще всего обозначаемых в переписях населения и в научной литературе просто как «татары» без уточняющего определения; от крымских татар, от сибирских татар) литовские татары отличаются и численностью, и регионом своего проживания (регионом сложения данной этнической группы), и своей историей, и самосознанием, и языком, и многими другими особенностями и атрибутами их культуры.

В то же время некоторые исследователи полагают, что литовские татары являются этнографической группой, при этом острые дискуссии разворачиваются по вопросу о том, в составе какого именно народа (этнуса) функционирует данная этнографическая группа. В современной литературе: и популярной, и претендующей на научный характер, можно встретить высказывания, согласно которым литовские татары являются этнографической

группой (составной частью) огромного конгломерата волго-уральских татар, и наряду с этим утверждения, будто они являются этнографической группой (составной частью) крымскотатарского народа, а иные авторы договариваются до того, будто польские (литовские, белорусские) татары являются «этнографической группой» польского (литовского, белорусского) народа. Так пишет, например, Януш Камоцкий в статье «Польские татары как этнографическая группа», утверждая, будто они «в огромном, богатом букете польской народной культуры, а тем самым польской национальной культуры, формируют ее самый восточный цветок; восточный, но выросший среди других польских цветов» [45, с.47]. Приверженцы концепции «этнографической группы» обращают внимание, прежде всего, на языковой фактор и считают возможным рассматривать культуру польских и белорусских татар в поле славистики, а литовских татар – в поле литуанистики, что усиливает представление о дроблении одной группы на несколько разных групп, между собой уже слабо связанных.

С нашей точки зрения, литовские (польско-литовско-белорусские) татары – это самостоятельный этнос, безусловно являющийся составной частью суперэтнической тюрко-татарской общности (на таких же началах, как поволжские татары, крымские татары и сибирские татары). Этногенез этого народа завершился на территории бывшего Великого Княжества Литовского. На этой земле литовские татары являются коренным народом и считают эту землю своей исторической родиной, не забывая в то же время о более древних корнях своего происхождения и родственных связях с другими народами, прежде всего, с крымскими татарами. В Польше, Литве и Белоруссии они составляют этническое меньшинство (не национальное, а этническое, поскольку не могут идентифицировать себя с какой-либо нацией, организованной как самостоятельное государство). В то же время как носители ислама (верующие мусульмане) и наследники исламской культуры (потомки многих поколений мусульман) они формируют религиозное меньшинство в этих странах, где доминирующее положение занимает христианская церковь и религия (католическая – в Польше и Литве, православная – в Белоруссии).

Особенности этнической самоидентификации в прошлом и в современных условиях

Среди многих спорных вопросов наиболее острым, сложным, глубоко затрагивающим эмоции и менталитет, т. е. весь комплекс национального самочувствия и самосознания литовских татар является вопрос об основах их идентичности в современных условиях.

Для исследования этого вопроса весь обширный корпус литературы, посвященной проблематике литовских татар, оказывается недостаточно полной и недостаточно прочной основой. Дело не только в том, что проблема идентичности (самоидентификации, сознания и понимания собственной этничности) данной этнической группы в подавляющем большинстве

случаев оказывается не в фокусе внимания авторов, растворяется в исторических описаниях и в иных аналитических направлениях и информационных потоках. Дело в том, что даже тогда, когда авторы вплотную приближаются к этой проблеме, прямо выходят на нее, включая в названия своих публикаций [83; 73; 11] и формулируя в качестве задач собственных исследований, они сталкиваются с крайним разбросом суждений и мнений при социологических опросах, проводимых как в татарской среде, так и в этнически смешанных гражданских сообществах, и практически не знают, на что опереться, чаще всего выбирая из потока полученных таким образом сообщений те, что наиболее соответствуют их собственной субъективной позиции и оптике, во многом определяемой гражданством, национальностью, профессиональной ориентацией (ученые разных стран по-разному воспринимают статус «своих» и «чужих» татар, представители разных гуманитарных научных дисциплин выбирают в качестве определяющих разные факторы идентичности; при этом среди авторов, занимающихся этим вопросом, заметен острый дефицит специалистов в области этнической психологии).

Автор настоящей статьи, приступая к ее подготовке, решила провести собственное социологическое «микроисследование» (без претензии на широкий охват общественного мнения, без репрезентативной выборки респондентов; было роздано жителям Белостока и Крушинян, где осенью 2016 г. состоялись запланированные на кафедре этнологии и культурной антропологии Университета имени Николая Коперника полевые исследования⁴, получено заполненными и обработано всего 200 анкет), чтобы хоть немного расширить ту источниковую базу, которая формируется прежними публикациями, и услышать, если можно так сказать, живой голос современников (среди опрошенных были не только татары, но их соседи, а также участники международной научной конференции «Мусульманский Восток в междисциплинарном восприятии: Люди – Тексты – История», проходившей в Белостоке 16–18 ноября 2016 г.). Результаты этого опроса засвидетельствовали еще более широкий разброс абсолютно не «унифицированных», не согласованных, противоречащих друг другу мнений, чем изначально это можно было предположить. Даже на вопрос о собственной национальности (пункт 1 анкеты) почти треть опрошенных (63 из 200) выбрала в качестве ответа формулировку «затрудняюсь ответить»; естественно, среди этих «затрудняющихся» были именно татары, поскольку «другие» решительно отвечали «нет» (не являюсь / не считаю себя польским, литовским, белорусским татариним). Крайне расплывчатыми оказались представления о времени формирования этнической группы польско-литовско-белорусских татар (пункт 5 анкеты): 15 человек выбрали среди предложенных вариантов ответа «В Средние века, в Великом Княжестве Литовском (XIII–XV вв.)», 48 предпочли ответ «После заключения унии

⁴ Под руководством С. Червонной и В. Ольшевского.

между Литвой и Польшей (XVI в.)», 29 – «В Первой Польской республике (XVII–XVIII вв.)», 18 решили, что это произошло «Позднее» (без уточнения), остальные вовсе не сочли нужным ответить на этот вопрос. Более-менее совпали среди опрошенных представления о том, какой этноним наиболее соответствует данной этнической группе (пункт 4 анкеты): 182 предпочли этноним «Польские татары». Следует при этом отдавать себе отчет в том, что опрос проводился в Польше; если бы он проводился в Литве, вероятно, большинство опрошенных назвали бы себя / их «литовскими татарами», в Белоруссии – «белорусскими». Ключевым в анкете был 6-й пункт, а именно вопрос «Что, по Вашему мнению, является залогом обособления, сохранения и жизнедеятельности данной этнической группы?». Предлагая возможные варианты ответов, мы очень надеялись на выявление определенных приоритетов в современном общественном сознании и просили респондентов поставить в скобках порядковые номера от 1 до 13 в зависимости от того, какой из факторов они считают главным, какие – второстепенными. Но никаких приоритетов вывить не удалось. Большинство респондентов (117) согласились со всеми 13-ю вариантами предложенных ответов, отмечая их крестиком и не делая никаких различий в степени важности данных факторов («общая религия», «общая историческая память», «легенда собственного происхождения», «семейные, родственные связи» – все оказывалось равнозначным). Те 83 анкеты, в которых проставлены порядковые номера, соответствующие последовательной важности разных факторов, представляют собой пеструю смесь разных мнений, среди которых невозможно выявить доминирующего.

Таким образом, данная «опытная база» никак не могла стать основой статьи, претендующей на более-менее объективное и обоснованное определение контуров идентичности этнической группы литовских татар, и хотя мы и дальше будем ссылаться на некоторые показательные результаты данного опроса, совершенно очевидно, что не на них, а на широком комплексе исторических данных, литературных источников, демографической статистики, а также на собственных умозрительных концептуальных положениях построена настоящая статья.

Известно, что важнейший маркер своей этнической идентичности – собственный язык (изначально общий с языком «ордынцев», т. е. с языком татарского народа, принадлежащий к западной огузо-кипчакской ветви тюркской группы большой алтайской языковой семьи) – татары, оказавшиеся на территории Великого Княжества Литовского, утратили в далеком прошлом⁵. Специфический характер миграции татарского населения, прибывающего на эти земли в качестве приглашенных на военную службу воинов (всегда, естественно, мужчин) способствовал быстрой языковой

⁵ Ни один из респондентов проведенного нами социологического опроса не назвал татарский язык своим родным языком и не обнаружил знания каких-либо других тюркских языков.

аккультурации. Они не только вынуждены были постоянно общаться с людьми, формирующими на этих землях коренное, местное население (с белорусами, литовцами, поляками), в том числе с представителями региональной и центральной администрации на «чужом» (не татарском) языке (это еще не привело бы к столь быстрой утрате родного языка), но вступать в смешанные браки, что было и практически неизбежно (поскольку «своих» женщин татары в Литву не привезли, со своими семейными таборами они сюда не прикочевали), и разрешено как законодательством их новой родины (проявлявшей в этом отношении гибкость и толерантность, разрешавшей татарам жениться на девушках и женщинах-вдовах из местной, не-татарской среды), так и исламским шариатом, допускавшим брак мусульманина с христианкой при условии, что жена примет религию своего мужа и дети будут воспитаны в мусульманских традициях. Мусульманские традиции в этих семьях, действительно, сохранились, но на языковую практику это не распространялось. Женщины, обязанные, согласно тому же исламскому праву, заниматься воспитанием детей – мальчиков до 7 лет, девочек – до их выхода замуж – и жить с ними до этого срока на своей, женской половине дома, естественно, передавали своим детям – вместе с колыбельными песнями, вместе с первыми усваиваемыми детским слухом словами – свой родной (в зависимости от их национальности – белорусский, литовский или польский) язык.

Тем более окрепла эта традиция, когда на татарскую молодежь распространилась общегосударственная система просвещения Речи Посполитой, включая обучение в начальных общеобразовательных школах, функционировавших на этих землях, не говоря уж о перспективах среднего и высшего образования в военных училищах и университетах. Белорусский, литовский, польский языки (перечисляю их в алфавитном порядке, который не совпадает с их «престижной» иерархией в разные исторические периоды и в разных регионах) становились языками семейного общения, литературными языками (языками высокой культуры), языками контактов с окружающим населением и профессиональной деятельности местных татар.

В таких условиях татарский язык (язык их предков, их исторической прародины) не имел ни малейших шансов сохраниться как действующий в этой среде язык, и он исчез, оставшись лишь в некоторых рудиментах, архаизмах, традиционных названиях отдельных предметов и явлений, которым не был найден адекватный перевод или такой перевод (на белорусский, литовский, польский языки) не прижился.

При этом утрата татарского языка не была мгновенной и абсолютной: в религиозной практике использовались те же термины (с арабской, тюркской или иранской корневой и смысловой основой), какие вошли в языки поволжских и крымских татар и какие подвергались здесь лишь незначительной славянизации или литуанизации; в словесных окончаниях, в образовании множественного числа, в принятых обращениях сохранялись остатки татарского речевого склада; имянаречение регулировалось ислам-

ской традицией. Своего рода смутная память о прошлом витала над устной и письменной речью литовских татар. Эта память ярче всего проявлялась в ономастике (в той части лексикона, которая была связана с характером собственных имен и образуемых от этих имен фамилий), в меньшей степени – в топонимике: некоторым географическим объектам и собственным поселениям татары давали названия, восходящие к тюркской лексической основе, но это случалось крайне редко, обычно они принимали наименования городов, деревень, природных объектов, можно сказать, «из рук» – с языка своих славянских или литовских соседей. Использование арабской письменности, в том числе для начертания слов и текстов, написанных на белорусском, литовском или польском языках (иногда «впережку» с фрагментами, записанными кириллицей или латиницей), составляет интереснейшую особенность языковой культуры данной группы татар, что является предметом пристального внимания исследователей книг и рукописей (представителей целой науки – современной «китабологии» [77; 78; 13; 85; 86; 54; 3; 61; 38]), эпиграфики (надписей на надгробных камнях [37]), живописных и графических *мухиров* и других пластов культурного достояния литовских татар⁶. Таким образом, говоря об утрате ими родного языка (языка их предков), мы должны иметь в виду, что некоторые рудименты этого языка они все же сохранили на протяжении семи столетий, но всего этого слишком мало для того, чтобы собственный язык можно было считать реальным фактором формирования и маркером их этнической идентичности.

Заметим, что неповторимость «своего» языка не является ни единственным, ни обязательным фундаментом этнической идентичности, и литовские татары в этой связи оказываются не в исключительной ситуации, а являются одним из многих народов мира, которым следует искать основы этой идентичности не в языке, а в иных сферах.

Одной из таких сфер может (могла бы) быть общность территории, на которой проживает тот или иной народ, создавший свое «национальное» государство или остающийся этническим меньшинством в «чужом», другом (возможно, федеративном) государстве, но непременно в рамках этого государства имеющий «свою землю». Такая земля в демократических государствах Новейшего времени нередко становится базой создания территориальной автономии такого типа, как бывшие «автономные» и нынешние «суверенные» республики Российской Федерации, а также разного рода автономные области, округа, «национальные районы» и тому подобные образования. Для литовских татар такая модель государственного са-

⁶ На вопрос «Владеете ли Вы основами арабской письменности?» (пункт анкеты проведенного нами в 2016 г. в Подляском воеводстве социологического опроса) только два процента опрошенных татар ответили категорическим «нет», ни один не заявил «да, владею», 98% предпочли формулировки «частично», «слабо», «знаю лишь несколько букв».

моопределения, а соответственно и такая основа национальной идентичности практически недостижима. Ушли в прошлое те времена, когда татары составляли компактное население отданных в их распоряжение земельных владений, в основном, в пограничных областях единого государства – Великого Княжества Литовского, а после 1569 г. – Объединенной Литвы–Польши. Впрочем, и в историческом прошлом не было такой ситуации, чтобы они (все вместе) заселяли какую-нибудь определенную область в границах этого государства, но тогда еще можно было проследить цепочку связанных между собой поселений, которые традиционно считались «татарскими» (целиком или в соответствии со значительной долей татар в их населении). С самого начала (с XIV в.) главными опорными пунктами татарских поселенцев в Великом Княжестве Литовском были вильнюсский и тракайский районы. В конце XVII в. круг татарских поселений расширяется. С возвращением на службу к польскому королю бывших «липковских мятежников» возникают их новые поселения в Богониках, Крушинянах, Малявичах, Студзянке. С «разделами» Речи Посполитой в конце XVIII в., в новых условиях пребывания населения восточной Польши и Литвы в составе Российской империи, миграция татар усилилась настолько, что карта размещения их поселений изменилась весьма существенно. Новые татарские колонии (уже не только военных поселенцев, но и ремесленников) формируются в городах (Каунас, Новогрудек, Слоним) и небольших местечках (Смиловичи, Осмолово, Лаховичи, Мир, Мяджёл, Ив, Рейжяй и другие). Таким образом, уже в историческом прошлом татарское население в границах бывшего Великого Княжества Литовского формировалось, скорее, как диаспора, нежели компактная группа на определенной, неизменной территории. XX в. внес в эту ситуацию еще более решительные перемены, усилившие раздробленность этнической группы уже не только между разными районами (повятами), воеводствами, а позднее российскими губерниями, но и между разными государствами, возникшими после Первой мировой войны – независимой Польшей (Второй Речью Посполитой), Литовской Республикой и Белоруссией, включенной в 1922 г. в состав СССР. Эти государства находились в межвоенный период в очень сложных, порою конфликтных отношениях друг с другом (между Польшей и Литвой до 1938 г. не было даже формального взаимного признания и обмена дипломатическими миссиями; белорусские татары остались за «железным занавесом», отрезавшим сталинский Советский Союз от свободного мира), и в таких условиях уже не могло быть и речи ни о какой «общей территории совместного проживания» татар, поставленных перед необходимостью гражданского выбора (в пользу Польши, Литвы или «Страны Советов», готовых не столько «дружить», сколько воевать друг с другом). Изменения границ между этими государствами в итоге Второй мировой войны так же, как общественные сдвиги и кардинальные реформы, приведшие к падению коммунистических режимов в этих странах на рубеже 1980–90-х гг., никак не затронули той ситуации,

которая заключается ныне в том, что у польско-литовско-белорусских татар нет общей территории их проживания, нет даже государства, гражданами которого ощущали бы себя все они или хотя бы их подавляющее большинство. Демографические показатели их пребывания в старых местах традиционного проживания неуклонно падают.

Перед Первой мировой войной в северо-западных губерниях России (Минской, Могилевской, Виленской, Ковенской, Гродненской) проживало 13 877 татар-мусульман. После 1918 г. значительная их часть (около 6 тысяч) оказалась в возрожденном Польском государстве, в состав которого до 1939 г. входили Вильнюсский край и земли Западной Белоруссии; около полутора тысяч – в Литве и около 4 тысяч – в Белоруссии.

В современной Польше зарегистрировано шесть татарских общин: в Белостоке, Богониках, Гданьске, Гожове Велькопольском, Крушинянах и Варшаве. Численность татар в этой стране по оценочным данным колеблется от трех до пяти тысяч человек, в то время как официальная статистика, опирающаяся на данные Всеобщей национальной переписи населения 2002 г., исходит из того, что всего лишь 500 человек (граждан Польши) заявили о своей татарской национальности.

Перепись населения 2001 г. в Литве зафиксировала здесь 3 225 человек татарской национальности. Многие из них входят в состав городского населения Вильнюса и Каунаса; традиционными местами их проживания в сельской местности являются поселок Рейжяй в Алитусском районе и деревни Сорок Татар (Keturiasdešimt Tototru) и Немежис в окрестностях Вильнюса.

В Белорусской Республике зарегистрировано 17 татарских мусульманских общин – в Минске, Гродно, Иве, Новогрудке, Сандыковчизне, Острыно, Лиде, Клецке, Слониме, Смиловичах, Лаховичах, Мире, Витебске, Видзе, Гомеле, Барановичах, Молодечно. Белорусские татары были преимущественно горожанами (в 1920-х гг. только 558 человек из общей численности 3 777, то есть около 15% проживали в сельской местности). В Минске в 1920 г. проживало 1 283 татар, в Смиловичах – 386. Если в 1920-х гг. советская власть в Белоруссии предпринимала некоторые шаги по «национальному строительству» (просвещению, организации) татарского населения (в Минске в 1928 г. была открыта «светлица» – татарский дом культуры), то с начала 1930-х гг. на волне общей идеологической борьбы с «нацдемовскими уклонами» политика советской власти изменилась, и татарская этническая группа в Белоруссии оказалась в самом тяжелом положении, потеряв какие бы то ни было права и надежды на сохранение своей автономии в качестве этнического и религиозного меньшинства. Мечети и мусульманские кладбища татар в Белоруссии подвергались систематическим разрушениям как в довоенные, так и в послевоенные годы. Уже к 1950 гг. из 19 мечетей, действовавших на территории Белорусской ССР (с учетом присоединенных к ней в 1939 г. восточных окраин Польши) осталась только одна единственная мечеть в Иве под Гродно. О демографиче-

ской ситуации в Белоруссии красноречиво свидетельствуют такие цифры: в Видзе Витебской области, где в 1938 г. еще проживало 760 татар, к началу 1990-х гг. осталось только 50 татар, в Слониме из 413 – только 96, в Новогрудке из 766 – 316, в Мяджэле из 250 – 90, в Докшицах из 460 – 50, в Довбучишках из 408 – один единственный человек [53, с.189].

Таким образом, этническая идентичность литовских татар никак не может опираться сегодня на ощущение культурно-географической и политической целостности *общей земли*, им принадлежащей. Еще в меньшей степени их этническая идентичность может опереться на ощущение общности их социально-правового статуса, профессионального предназначения, определенной, отведенной им роли в экономике, культуре или административном устройстве страны (всех трех стран, гражданами которых они являются). В историческом прошлом такой статус существовал. Он определялся, прежде всего, нахождением на воинской службе, в рядах кавалерии – прославленной татарской конницы.

Для этой службы татар приглашали, держали в стране, предоставляли им существенные привилегии, это был основной социально-политический фактор формирования татарской общины в Великом Княжестве Литовском и в Первой Речи Посполитой, и хотя, естественно, татары на этих землях никогда не представляли собой абсолютно моногенной по социальному составу и профилю профессиональной деятельности группы (были среди них и крестьяне, и помещики, и ремесленники, и купцы, и представители мусульманской духовной, а также светской интеллигенции и науки), но военная служба оставалась главным призванием и смыслом жизни большинства татарского мужского населения, причем эта традиция сохранялась и после падения Первой Речи Посполитой, так что татарская кавалерия (известный вильнюсский полк уланов) сыграла заметную роль и в возрождении независимой Польши в XX в., и в обороне ее границ (см. об этом: [19; 58; 12]). Разумеется, не каждый татарин, проживавший на землях бывшего Великого Княжества Литовского до Второй мировой войны, был воином-кавалеристом, но это случалось так часто, это было так важно для понимания собственного предназначения, и память о славных походах татарской конницы, верной Великому Литовскому Князю (Грюнвальдская битва), а затем и польскому королю (случай «липковского» мятежа 1672 г., перехода на сторону турецкого султана был исключительным, да, по сути, единственным эпизодом в долгой истории), была в национальном самосознании так сильна, что принадлежность татарина к воинскому сословию (как в рядовом, так и в офицерском ранге) оказывалась достаточно серьезной, прочной базой для определения собственной идентичности в условной парадигме «Мы, татары, – ловкие наездники, отважные кавалеристы, воины, уланы, присягнувшие на верность Великому князю / польскому королю / Польской Республике – Второй Речи Посполитой». Нет больше литовской конницы ни в польской, ни в литовской, ни в белорус-

ской современной армии, и прежняя база идентичности оказывается разрушенной и размывтой.

Постепенно сужая круг возможных ориентиров определения этнической идентичности, мы неизбежно приходим к тому, что многим авторам, занятым данной проблематикой, кажется решающим, главным, основным фактором формирования идентичности литовских татар. Речь идет об их вероисповедании, о принадлежности их культуры к исламской цивилизации, и представление о том, будто они сохранились как особая этническая группа в инонациональном окружении (причем группа, не имеющая своего языка, своей земли, своего особого социального статуса) только благодаря верности исламу, что отличало их от всех соседей – католиков, православных, иудеев, караймов и представителей иных религий, является широко распространенным в современной научной литературе и журналистике⁷. Сохранившиеся памятники материальной культуры литовских татар (деревянные и каменные мечети, мусульманские кладбища – *мизары*, надгробия со знаками мусульманской символики, молитвенники – *хамали* с кораническими текстами и текстами обращенных к Аллаху молитв), безусловно, имеют тот исламский характер, который определяет их яркое и выразительное отличие от комплексов соседних национальных культур и от мира польского, литовского, белорусского народного творчества, хотя полной изоляции между этими мирами не существует, и точки соприкосновения, взаимовлияния, взаимодействия между мусульманским искусством, зодчеством, графической основой письменности, фольклором, народным бытом, всем образом жизни татар и православной культурой белорусов или разви-

⁷ Характерно, что современное издание даже такого исторического документа (появившегося в 1727 г.), как *Катехизис по поводу крещения татарина Бужяцкого*, написанный католическим ксендзом-миссионером XVIII в. Михалом Вечорковским, который по сути своей должен, казалось бы, убедить читателей в том, что ислам отнюдь не безраздельно господствовал в местной татарской среде, и татарам случалось отступать от веры своих предков, сопровождается вступительной статьей Мусы Чахоровского, главный пафос которой состоит в утверждении: «Столетиями живут мусульмане на землях Литвы и Польши [...] Вместе со своими скромными, деревянными мечетями и тихими сельскими мизарами стали они неразрывной частью родного пейзажа. Освоили татары местные обычаи, язык, одежду. Единственно, что их отличало (и до сих пор отличает) – это иная религия, а именно ислам» [81, с.5] (перевод с польского и выделение текста принадлежит автору – С.Ч.). При проведении социологического опроса в Подляском воеводстве в 2016 г. мы также ожидали, что большинство респондентов назовет «общую религию (ислам)» на первом месте среди всех вариантов ответа о факторах формирования этнической идентичности. Как уже отмечалось выше, этого не случилось. В отличие от писателей и журналистов, твердо уверенных, в том, что ислам («своя религия») – это то «единственное», что отличает данную этническую группу, многие представители этой группы, причем и молодого, и старшего поколения, вовсе так не считают и отмечают общую религию как одну из нескольких причин собственного «выживания», не всегда ставя ее на первое место.

вающейся в лоне католицизма польской и литовской народными культурами, несомненно, существуют. Согласимся, однако, что различия именно по линии религиозного водораздела наиболее бросаются в глаза, и мусульманская основа татарской культуры и мировоззрения может (могла бы) стать основной базой самоидентичности этой разделенной государственными границами и языковыми барьерами, но единой в своей традиционной вере этнической группы. Однако и здесь не все столь очевидно и однозначно.

Совпадение этнической и религиозной (конфессиональной) идентичности, которое в данном случае можно было бы выразить формулой «Мы – литовские татары = Мы – мусульмане», – в истории человечества случается крайне редко, да и то лишь тогда, когда речь идет о религиях сравнительно узкого диапазона (иногда их называют «локальными», иногда – «этническими религиями», имея в виду обычно комплекс языческих верований и пантеон божеств, разработанный в мифологии одного племени или этнической группы). Классическим примером такого совпадения может служить караимизм; караимы как этническая группа и люди, исповедующие караимизм как религию, – это, вероятно, действительно одно и то же, хотя в современном обществе уже можно встретить и *неверующих* караимов. Однако принадлежность к великой, мировой религии, число последователей которой измеряется миллионами или миллиардами человек, в том числе представителей разных рас и народов, может стать основой этнической идентичности лишь в исключительных обстоятельствах, а именно при двух условиях. Во-первых, данная этническая группа должна быть совершенно не затронута процессами секуляризации, что было возможно в Средние века, но вряд ли реально в современном мире. Во-вторых, эта группа должна выступать в качестве единственного носителя данной религии если не в мировом масштабе, то, по крайней мере, в широком континентальном или региональном диапазоне, то есть когда рядом с данной группой, хотя бы в одном с ней государственном пространстве, нет никаких других этнических групп, исповедующих ту же религию. В такой исключительной ситуации татары, действительно, были в прошлом, когда они могли ощущать себя *единственными мусульманами*, постоянно проживающими на земле Великого Княжества Литовского, не считая заезжих купцов, послов, путешественников и прочих временных гостей. Тогда они на самом деле осваивали каждый кусочек отведенной им земли, на которой возводилась мечеть, как «*Дар аль-Ислам*» (землю Ислама) и, отличаясь от всех своих соседей соблюдением мусульманских обрядов и обязанностей («столпов веры»), даже внешним видом своего жилища, своих костюмов, головных уборов, предопределенных мусульманской традицией, могли опереться на эту религиозную традицию как основу собственной этнической идентичности, собственной *непохожести* на других соотечественников.

Но эти времена давно канули в лету. Современные татары Польши, Литвы, Белоруссии в большинстве своем живут в городских квартирах и домах, на улицах и в жилых кварталах, построенных без всякого учета этой

мусульманской традиции. Их городской и сельский быт определяется товарным снабжением, не имеющим никакой конфессиональной дифференциации. На их вкусы и потребности оказывает свое влияние интернациональная мода, господствующая во всем социуме, к которому они принадлежат. Их дети воспитываются и учатся не в мусульманских *мектебе* и *мед-ресе*, а в школах, гимназиях, лицеях, университетах той светской образовательной системы, какая существует в Польше, Литве или Белоруссии. Долгие десятилетия воинствующего атеизма (особенно в Белорусской ССР) и необходимость приспособления к идеологии, господствующей в стране их проживания, отрыв (хотя и не полная изоляция, но все же длительный и весьма ощутимый и в географическом, и в моральном измерении отрыв) от зарубежного мусульманского мира привели к тому, что какая-то часть татар (механизмы ее измерения в процентах или в числах, конечно, не точны и не совершенны) утратила веру или, во всяком случае, культовую практику, перестала соблюдать мусульманские обряды и традиции. Так называемый «религиозный ренессанс», затронувший все народы Восточной Европы, освободившиеся от коммунистических режимов на рубеже 1980–90-х гг., в среде литовских татар был скорее внешним, декларативным, поверхностным и не привел к полной реанимации всех исламских институтов. Частично они, безусловно, возродились: были проведены мусульманские съезды, зарегистрированы мусульманские общины, сформировались «приходы» («парафии») при сохранившихся и построенных заново мечетях, возобновили свою деятельность муфтияты, разделившие между собой географические зоны своего влияния в соответствии с границами независимых государств⁸. Тем не менее, во всех этих трех государствах поле реального возрождения

⁸ Институтция Муфтията (Духовного управления по делам мусульман, возглавляемого Муфтием) была сравнительно новой моделью в длительной истории литовских татар. Она получила здесь развитие лишь после разделов Речи Посполитой, на территории той части Литвы и Польши, которая была включена в состав Российской империи. К тому времени в Российской империи уже существовало «Магометанское собрание» (Духовное управление по делам российских мусульман с резиденцией на Урале, сначала в Оренбурге, затем в Уфе). В 1794 г. правительственным решением было создано второе Духовное управление – так называемый Муфтият Таврический с резиденцией в Крыму. В его компетенции оказались все мусульмане, проживавшие в западных российских губерниях, включая и крымских, и литовских татар. Его деятельность продолжалась формально до 1926 г., фактически до 1918 г. На новых началах Муфтият был создан в независимой Польше, в составе которой до начала Второй мировой войны находились практически все земли, заселенные татарами. После Второй мировой войны Муфтият фактически бездействовал (не только на землях, которые Польша потеряла и которые вошли в состав СССР, но и в самой Польской Народной Республике), хотя формально никогда не был ликвидирован. Возрождение этой структуры уже в новом облиции трех независимых друг от друга Муфтиятов (Польши – Третьей Речи Посполитой, Литвы, Белоруссии) происходит на рубеже 1980–90-х гг.

ислама крайне ограничено не только малым числом мусульман среди граждан этих государств, но и отсутствием сильных амбиций со стороны их духовных элит и массовых потребностей в кардинальных переменах. В повседневном быту литовских татар мусульманское начало вытесняется на маргинес внешней декорации, сводится к ношению тюбетеек, купленных где-нибудь в Казани или Стамбуле, к мотивам, воспроизводимым в мелодиях и театральных костюмах коллективов художественной самодеятельности. Такой «театральный ислам» никак не может стать прочной основой национально-этнической идентичности.

Еще более серьезные причины такой невозможности коренятся в демографической ситуации. Татары давно уже не являются единственными мусульманами среди граждан Польши, Литвы, Белоруссии. Бурные процессы миграции, имевшие свою социально-экономическую и политическую специфику в Советском Союзе и получившие новое содержательное наполнение в современных условиях, привели к тому, что сначала в Белоруссии, затем, чуть в меньшей степени, в Литве и, наконец, в Польше появились довольно крупные анклавы постоянно проживающих здесь «других» мусульман⁹ – прежде всего, азербайджанцев, затем чеченцев и представителей других народов Северного Кавказа. В Польше, можно сказать, «набрали вес» контингенты арабских и иранских студентов (многие из которых не возвращаются после учебы на родину, а остаются в Польше), потоки политических эмигрантов и беженцев из мусульманского мира (не столь массовые, как ныне в Германии и других странах Западной Европы, но все же весьма заметные отнюдь не только в замкнутых интерьерах специальных «ośrodków dla uchodźców») (центров размещения беженцев), но и в городских пейзажах, на рынках Варшавы и других польских городов), турецкие предприниматели, снабжающие население продуктами восточной кухни. Рядом с этими группами, уже превосходящими по численности «коренных» литовских татар, последние никак не могут опереться на свою исламскую идентичность в качестве главного или единственного маркера их самобытности, «непохожести на других». Надо искать другие, внерелигиозные источники собственной самобытности, чтобы сохраниться как самостоятельная группа. Это тем более необходимо, чем более ясно, что в длительной, стратегической перспективе религия снова окажется вытесненной из широкой общественной сферы в область частной, личной жизни индивидуума или семьи, нынешняя фаза «религиозного Ренессанса» сменится новой волной просветительства, опирающегося на достижения научно-технического прогресса, и десекуляризации всей глобальной человеческой культуры.

⁹ На процессы активной иммиграции мусульман различного национального происхождения в Польшу обращают внимание многие авторы. См., в частности: [8; 55].

В такой ситуации важнейшими источниками формирования этнической идентичности литовских татар становятся их историческая память, их современная культура (прежде всего, такие ее сферы, как художественная литература), в которой существует особый культ бережно лелеемого в мечтах, воспоминаниях, идеальных категориях, в передаваемых из поколения в поколение и заново творимых легендах феномена собственного «мы» как особой исторической и этнокультурной единицы. Почти призрачные, неуловимые контуры этого феномена обретают вполне отчетливую конкретность в опоре как на документальную, так и на мифологическую основу – субъективную версию собственной истории, причем трудно сказать, какая из двух сторон здесь важнее – тщательно собираемые факты, целые свитки подробнейших жизнеописаний не только выдающихся личностей, но и скромных представителей большой «татарской семьи»¹⁰, скрупулезное исследование предметов материального культурного наследия или поэтические вымыслы, представляющие тот «обольстительный обман», который в самосознании людей всегда дороже «тмы низких истин».

В мифологизации татарской традиции в Польше особое место занимает проект (частично уже реализованный) создания «агротуристического» комплекса «Татарская юрта» в селе Крушиняны под руководством Дженетты и Мирослава Богдановичей – представителей известной татарской семьи. В 2000-х гг. Дженнета Богданович отреставрировала обветшавший, долгое время пустовавший и почти разрушившийся дом своего деда, превратив его в комфортабельный современный отель, ресторан (корчму) с блюдами татарской кухни, маленький музей и центр культурных мероприятий, в частности ежегодных «праздников плуга» – «Сабантуй», в которых принимают участие «гости из Литвы, Белоруссии, России (Татарстана)»¹¹. Исконная аутентичность постройки («дома Богдановичей») имеет значение психологического аргумента, убеждающего и самих татар, и туристов, посещающих Крушиняны, в подлинности сосредоточенной в этом центре культуры. На самом деле все здесь не только кардинально перестроено, но преобразовано в парадигме определенной национальной мифологемы. Всеми визуальными, материальными средствами и красочными перформансами создана своего рода легенда татарской культуры на этой земле. Экспонаты маленького семейного музея, – главным образом, костюмы, головные уборы и каллиграфические *шамали* (*мухирь*), – создают видимость национального колорита и своеобразия искусства и повседневного быта местных татар, хотя на самом деле это вовсе не

¹⁰ В этой связи надо особо отметить целый ряд биографических и автобиографических публикаций (книг, брошюр, статей), посвященных представителям данной этнокультурной общности, появившихся в последние десятилетия [80; 17; 46; 48; 76; 63; 20].

¹¹ Десятый раз ежегодный «Сабантуй» в «Татарской юрте» состоялся в августе 2016 г. См. об этом [21].

произведения их народного творчества и не памятники их исторического прошлого, а предметы современного импорта из Татарстана, Крыма и Турции. Деревянная раскрашенная скульптура, украшающая усадьбу и дом, привлекающая очарованием народного примитива и тонким чувством юмора, создает эмоциональную атмосферу, способствующую укреплению симпатии: душа зрителя как бы открывается навстречу милому образу добродушного, чуть лукавого, доверчивого, гостеприимного «татарина», и эту симпатию не могут разрушить никакие рациональные доводы, в частности, понимание того, что это образ условный, «придуманый», что сама традиция антропоморфной пластики не имеет никаких точек опоры в татарской народной мусульманской культуре. В репертуаре ансамбля «Бунчук (Buńczuk)», выступающего в «Татарской юрте» при проведении различных культурных мероприятий, преобладают песни (*баиты*) и мелодии поволжских, уральских, крымских татар, но они воспринимаются как часть собственной культуры местных татар, как опора их этнической идентичности. Можно сказать, здесь постоянно разыгрываются спектакли, своего рода художественные маскарады, чрезвычайно важные для укрепления духовного единства татарской общины¹².

Решающая роль в укреплении этого духовного единства принадлежит современной татарской поэзии, которая функционирует в языковом пространстве тех государств, гражданами которых являются польско-литовско-белорусские татары (главным образом, в публикациях на польском и литовском языках), однако является особенным феноменом татарской культуры, опираясь в своих сюжетах, фабульных мотивах на тематический тезаурус их национальной истории и мифологии, взывая к их памяти, к их ментальности, воскрешая (или создавая заново) некие особые алгоритмы их самосознания.

Особенно богато в этом плане творчество Селима Хазбиевича. Он сумел найти образы, краски, сюжеты (никакое постмодернистское художественное мышление не помешало ему оперировать богатой фабулой, фольклорными источниками и современными сюжетами) для развития особого татарского направления внутри польской поэзии. Переломным моментом в процессе эволюции поэтического творчества Хазбиевича было

¹² На значение крушинянского проекта в формировании этнической идентичности молодого поколения польских татар обращает внимание в своем исследовании Михал Лышчаж. В одном из записанных им интервью, которое он цитирует в своей монографии, данная светская культурная модель расценивается как равнозначная религиозному фактору: «Татарская идентичность – это осознание нами того, кем мы являемся, это наша религия и культура. От этой культуры не так уж много осталось, но у Дженетты в Крушинянах ее можно почувствовать. Это, прежде всего, наша кухня, наша традиционная еда, ну и конечно, само отношение к этим местам, к Богоникам и Крушинянам, тем более сентиментальное, что эти две деревушки – это уже то единственное, что нам осталось» ([62, с.115]; авторский перевод с польского).

Червоная С.М. Основы идентичности литовских татар:
исторический фундамент и современный ракурс

появление сборника стихотворений «Крым и Вильнюс» [25]. Впервые в этом сборнике Хазбиевич декларирует свою этническую идентичность, определяет в категорических формах личной принадлежности («Krymie mój... / Мой Крым...»), «Azja jest we mnie... / Азия во мне», «Litwo tatarskich moich przodków kraino... / Литва, страна моих татарских предков...», «Ojczyzna mój duchowy i przodku – Dżyngis Chanie... / Чингисхан, мой духовный отец и предок...» – выделено С.Ч.) основные источники, адреса, исходные пункты этногенеза польско-литовских татар, особенные духовные ориентиры собственной национальной гордости [15, с.58–159].

Напомню некоторые строки из стихотворений, включенных в сборник «Крым и Вильнюс». Думаю, что они даже не нуждаются в комментариях.

Посвящение:

Dedykuję tym, którym wolność była
Droższa niż życie
Poległym za Wielką Polskę, Wolny Krym,
Wolny, Muzułmański Afganistan...

(Посвящаю тем, кому свобода была дороже жизни, кто пал в битвах за Великую Польшу, за Свободный Крым, за Свободный, мусульманский Афганистан...)

Крым (Pamięci Dżафара Сейдамета):

Krymie mój we śnie drżący
Chrzęstem kindżałów i śpiewu
Gwiazdom pieśni nucący
Buńczukiem gniewu
Do Ciebie błękitny Krymie
Wrócę w blasku poezji
Kroplę tęsknoty w Ocean
Przeleję w Baczysaraju
Krymie mój w czasie odległy
Czerwonym terrorem stracony
Ułudą wschodniej melodii
Mistyką ostatniej modlitwy [...]
Krymie mój zdruzgotany
Bądź mi wróconą ojczyzną

(Крым. Памяти Джафера Сейдамета.

Крым мой, дрожащий во сне, пронзенный скрежетом кинжалов и поднимающий к звездам свои песни на острие бунчука гнева, к Тебе, голубой Крым, возвращаюсь в блеске поэзии, вливаю каплю горечи и тоски в Океан в Бахчисарае, Крым мой, оторванный временем, истерзанный красным террором, близкий мне очарованием восточной мелодии, мистической последней молитвы... Крым мой растерзанный, стань мне возвращенной Отчизной).

Tatarski sen:

Mieszka we mnie Polak i Tatar
Jeden nosi maciejówkę, drugi krymkę.
Szablę w snach ostrzą tak samo.
Szalony poezją na stepach Kipczaku
Tatarską szablę walczę o Wielką Polskę...
(Татарский сон

Живет во мне поляк и татарин, один носит конфедератку, другой тюбетейку, но оба владеют в своих снах острой саблей. Очарованный поэзией, я сражаюсь в кипчакских степях за Великую Польшу...) [25, страницы этого поэтического сборника не нумерованы, авторский подстрочный перевод с польского – С.Ч.].

Многие мотивы стихотворений Хазбиевича почерпнуты в сокровищнице исламской и тюрко-татарской мифологии. Романтическую интерпретацию обретают в современной поэзии классические сюжеты действительной и легендарной татарской истории, которых касается Хазбиевич в своих стихах, никогда не описывая подробно, а лишь напоминая о них, слегка прикасаясь к струнам, чье знакомое звучание находит отклик в душе народа.

На это прикосновение к струнам татарской души отвечает литовский татарин Адас Якубаускас в стихотворении, посвященном Селиму Хазбиевичу:

«To ja – potomek krymskich chanów
I stepowy jeździec srogі.
Głos doniosły tych ułanów,
Co na Litwie bili wrogów.
Jestem synem murzów walecznych
Z wolną duszą polskiej szlachty,
I prawnukiem jeźdźców dawnych,
Co pod Grunwaldem pełnili wartę.
Przez długich sześć wieków żyję
Na ziemi Litwy rodzimej.
Tu mój dom – brzeg mego Idelu,
Tutaj brzeg mojego Krymu...»

(Это я, потомок крымских ханов и суровый степной наездник. Слышу голос тех уланов, которые били врагов Литвы. Я сын тех отважных татарских мурз, у которых была свободная душа польской шляхты, я правнук тех древних воинов, что стояли на страже под Грюнвальдом. Шесть долгих веков я живу на родной литовской земле. Здесь мой дом – берег моей реки Идель, берег моего Крыма... [71, с.265 – первая публикация стихотворения на польском языке; авторский подстрочный перевод с польского на русский язык – С.Ч.].

Современные исследователи-филологи обращают все более пристальное внимание на художественную литературу, прежде всего, на современную поэзию польских, литовских и белорусских татар, выделяя ее в восточно-европейской литературе как особенный феномен межнационального (между культурами Польши, Литвы, Белоруссии) диалога и как фактор укрепления самоидентичности данной этнической группы, чье общее самосознание выражается на трех разных литературных языках [34, с.331–346].

Значение поэтического слова (вымысла, легенды, волнующей воображение ассоциации) в формировании культурной идентичности литовских татар прекрасно осознают и сами поэты, и их читатели. Выход в свет в 2016 г. поэтического сборника *«Только небо»* [30], составленного из цикла *Шаманских стихотворений (Wierszy szamańskie)* Селима Хазбиевича и *Степных стихотворений (Wierszy stepowe)* Мусы Чахоровского дал исследователям основание для выводов, весьма существенных в контексте данной проблемы:

«...Сознание формирует этничность, – утверждает в своих стихах Селим Хазбиевич. Он вызывает ее шаманскими заклятиями, общением с тем, что незримо присутствует, к чему нельзя прикоснуться, но что мы чувствуем в себе, рядом с собой. Поэт как бы призывает вслушаться в первооснову нашего сознания, которая определяет нашу идентичность. Муса Чахоровский, также взывая к самосознанию, извлекает из него образцы, более конкретные, осязаемые физически: юрты, кони, перемещения в степи в меняющиеся времена. Уходим и возвращаемся, всегда те же самые, неизменные в памяти и существовании. Со всей силой он утверждает: Это мы, татары! Его стихи формируют татарскость в самом широком ее значении и длительности, призывают к тому, чтобы принять, понять и развивать наше наследство, формировать нашу идентичность здесь и сейчас. У нас есть своя история, своя культура, а значит, и свое собственное будущее – тот долгожданный час, когда мы сможем взлететь на орлиных крыльях и устремиться вдаль. К солнцу!» [68, с.8, авторский перевод с польского – С.Ч.].

Муса Чахоровский и Халина Шахидевич в своей вступительной статье к изданной ими антологии татарской поэзии XXI в. в Польше пишут:

«Мы должны помнить, кто мы и откуда мы приходим. Мы должны осознать нашу идентичность. Мы должны усилить ее, чтобы ее не утратить, не стать обществом без прошлого и без будущего [...] Разбросанные по всей Польше, мы сохраняем себя, мы соединяемся вместе в нашей памяти о делах наших дедов, мы поздравляем друг друга с праздниками байрама. Мы живем. И самым прекрасным свидетельством этого существования является то, что некоторые члены татарского сообщества могут представить и выразить в своих стихах» [33, с.5–6; авторский перевод с польского – С.Ч.].

Идея, как известно, становится материальной силой, когда она овладевает массами. Именно идея собственного этнокультурного единства и

непохожести на других (включая и «других мусульман», и «других сограждан» – соседей, и «других татар», проживающих в Крыму или в Поволжье, на Урале или в Сибири, в Финляндии или в Румынии, в Болгарии или в Турции и на любой полосе «другой», «не нашей» земли) воодушевляет литовских татар и становится основой их идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрович Дж. Литовские татары // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1926. № 4. С. 77–95.
2. Александрович Дж. Литовские татары как часть тюркского Востока // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1927. № 4. С. 147–164.
3. Антонович А. Белорусские тексты, писанные арабским письмом и их графико-орфографическая система. Вильнюс: Вильнюсский гос. ун-т им. В. Капсукаса, 1968. 418 с.
4. Гаспринский И. Русское мусульманство / Gasprinski I. Russian Islam. Oxford: The Society for Central Asian Studies, 1985. 86 p.
5. Гришин Я. Польско-литовские татары (наследники Золотой Орды). Казань: Татарское книжное издательство, 1995. 196 с.
6. Думин С. Этногенетические корни литовских татар // *Tatarszczyzna w badaniach. Konteksty interdyscyplinarne / Research in Tatar Studies. Interdisciplinary contexts*. Białystok: Związek Tatarów Rzeczypospolitej Polskiej, Oddział Podlaski, 2015, pp. 149–177.
7. Думин С., Канапацки И. Беларускія татары. Минулае і сучаснасць. Мінск: Польша, 1993. 206 с.
8. Марциняк Т. Мусульманские общины в Польше // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 66–73.
9. Мишкинене Г. Очерк истории и культуры литовских татар // Диаспоры. 2005. № 2. С. 40–61.
10. Мухлинский А. О происхождении и состоянии литовских татар. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1857. 70 с.
11. Ольшевский В. Уровни идентификации польских татар в историко-этнологическом контексте // Этническая история и культура тюркских народов Евразии: Сб. науч. тр. Омск: Полиграфист, 2011. С. 5–8.
12. Резмер В. Татарский полк уланов имени полковника Ахматовича // Этническая история и культура тюркских народов Евразии: Сб. науч. тр. Омск: Полиграфист, 2011. С. 279–281.
13. Станкевіч Я. Беларуска мусульмане і беларуская літаратура арабскім пісьмом. Вільня: Друкарня Я. Левіна, 1933. 34 с.
14. Червоная С. Польско-литовские татары – западный форпост ислама в Европе // Вестник Московского Исламского Университета. 2010. № 2. С. 93–117.
15. Червоная С. Поэзия и журналистика Селима Хазбиевича // *Estetyczne aspekty literatury polskich, białoruskich i litewskich Tatarów (od XVI do XXI w.)*, edited by G. Czerwiński & A. Konopacki, Białystok: Katedra badań filologicznych «Wschód – Zachód» Uniwersytetu w Białym Stoku, Związek Tatarów Rzeczypospolitej Polskiej, 2015. С. 143–163.

16. Aleksandrowicz M. Legendy, znachorstwo, wróżby i gusła ludu muzułmańskiego w Polsce // *Rocznik Tatarski*. 1935. T. II. S. 368–375.

17. Bajraszewski E. Wspomnienia // *Rocznik Tatarów Polskich*. 1993. Tom I. S. 103–108.

18. Barašaускаite T. Lietuvių totoriai XIX amžiuje. Vilnius: Mintis, 1996. 331 p.

19. Bek J.V. Zarys historii wojennej Tatarskiego Pułku Ułanów imienia pułkownika Mustafy Achmatowicza, wydanie I, Warszawa 1933, wyd. II Gdańsk – Białystok: Wydawnictwo «Życia Muzułmańskiego», 1990. 48 s.

20. Berger R. Pułkownik Jakub Romanowicz w listach // *Rocznik Tatarów Polskich*. 2016. T. III (XVII). Seria 2. S. 271–279.

21. Bogdanowicz R. Sabantujw Kruszynianach // *Przegląd Tatarski*. 2016. Nr 4 (32). S. 3–4.

22. Bohdanowicz L. The Muslims in Poland. Their Origin, History, and Cultural Life // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1942. October. S. 163–180.

23. Bohdanowicz L., Chazbijewicz S., Tyszkiewicz J. Tatarzy Muzułmanie w Polsce. Gdańsk: Niezależne Wydawnictwo «Rocznik Tatarów Polskich», Związek Tatarów Polskich, Oddział w Gdańsku, 1997. 105 s.

24. Borawski P., Dubiński A. Tatarzypolscy. Dzieje, obrzędy, legendy, tradycje. Warszawa: Iskry, 1986. 274 s.

25. Chazbijewicz S. Krym i Wilno, Gdańsk: [autorskie wydanie]. 1999. [16 s.].

26. Chazbijewicz S. Kultura literacka Tatarów polskich // *Rocznik Tatarów Polskich* (Gdańsk). 1994. T. II. S. 240–247.

27. Chazbijewicz S. Kulturareligijna Tatarów polskich // *Rocznik Tatarów Polskich*. 1995. T. II. S. 66–88.

28. Chazbijewicz S. Prasa tatarsko-muzułmańska w Polsce w latach 1939–1996 // *Rocznik Tatarów Polskich* (Gdańsk–Toruń). 1995. T. III. S. 87–103.

29. Chazbijewicz S. Wpływ sufizmu (tasawwuf) na zwyczaje muzułmanów w Polsce // *Życie Muzułmańskie*. 1988. Nr 9. S. 32.

30. Chazbijewicz S., Czachorowski M. Tylko niebo. Wrocław – Białystok: Inicjatywa Wydawnicza Çaxarxan Xucalic, Muzułmański Związek Religijny w Rzeczypospolitej Polskiej, Najwyższe Kolegium Muzułmańskie, 2016. 27 s.

31. Chazbijewicz S., Moćkun S. Tatarzy pod Grunwaldem. Grunwald [Gierzwałd, Stębark]: Muzeum Bitwy pod Grunwaldem w Stębarku, 2012. 64 s.

32. Czachorowski M.Ç. Czasopiśmiennictwo tatarskie i muzułmańskie w Polsce w latach 1945–2015. Wrocław: Inicjatywa Wydawnicza Çaxarxan Xucalic, 2015. 74 s.

33. Czachorowski M., Szahidewicz H. (red.). Oto moje dziedzictwo. Wrocław – Białystok: Muzułmańska gmina wyznaniowa MZR, Çaxarxan Xucalic, 2010. 111 s.

34. Czerwiński G. История – география – геопэтика. О возможных методах анализа произведений современной художественной литературы польских, литовских и белорусских татар // *Slavia Orientalis*. 2015. T. LXIV. Nr 2. S. 331–346.

35. Czerwonaja S., Chazbijewicz S. Tatarzy Krymscy – Tatarzy Polsko-Litewscy / Червоная С., Хазбиевич С. Крымские татары – Польско-Литовские татары. Toruń: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2013. 292 s.

36. Dmitruk S. Prasa mniejszości tatarskiej w Polsce w latach 1996–2008 // *Tatarzy – historia i kultura, materiały z sesji naukowej w Szreniawie 26–27 czerwca 2009*. Szreniawa, 2009. S. 55–71.

37. Drozd A. Corpus Inscriptionum Tartarorum Poloniae et Lithuaniae, T. I. Studzianka, Warszawa: Polskie Towarzystwo Orientalistyczne, 2016. 614 s.

38. Drozd A. Nowe odkrycia w badaniach nad piśmiennictwem tatarskim // Rocznik Tatarów Polskich (Gdańsk), 1994, T. II, S. 218–230.

39. Drozd A., Dziekan M., Majda T. Meczety i cmentarze Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich. T. II. Warszawa: Res Publica Multietnica, 1999. 100 s.

40. Drozd A., Dziekan M., Majda T. Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich. T. III. Warszawa: Res Publica Multietnica, 2000. 84 s. + 178 il.

41. Dumin S. Herbarz rodzin tatarskich Wielkiego Księstwa Litewskiego. Gdańsk: Związek Tatarów Polskich, 1999. 140 s.

42. Fabijonavičius J. Totoriai – Lietuvossenbuviai // Mokslasirgyvenimas. 1990. Nr 12. S. 24–25.

43. Grygaitis K. Osadnictwo Tatarów gospodarskich w Wielkim Księstwie Litewskim XIV–XVIII w. // Rocznik Tatarów Polskich (Gdańsk). 2003. T. VIII. S. 25–26.

44. Gutowski J. Broń i uzbrojenie Tatarów. Katalog zabytków tatarskich. T. I. Warszawa: Res Publica Multietnica, 1997. 70 s. + 101 il.

45. Jakubauskas A., Sitdykov G., Dumin S. Lietuvos totoriai istorijoje ir kultūroje / Якубаускас А., Ситдыков Г., Думин С. Литовские татары в истории и культуре. Kaunas: Lietuvos totorių bendruomenių sąjunga, 2009. 307 p.

46. Janowicz-Czaińska Drotlew Z. Przez lasy Syberii do Wielkiej Brytanii, Gdańsk: Rada Centralna i Oddział w Gdańsku Związku Tatarów Polskich, «Rocznik Tatarów Polskich», 2001. 112 s. + il.

47. Jasiewicz Z. Tatarzy polscy. Grupa etniczna czy etnograficzna? // Lud. 1980. Nr 64. S. 145–157.

48. Jaskulski W. Półkownik Józef Korycki – Tatarski artylerzysta II Rzeczypospolitej (zarys biografii). Wrocław: Inicjatywa Wydawnicza Çaxarxan Xucalic, 2012. 99 s.

49. Kamocki J. Tatarzy polscy, jako grupa etnograficzna // Rocznik Tatarów Polskich. 1993 [Gdańsk, Tom I]. S. 43–47.

50. Kołodziejczyk A. Cmentarze muzułmańskie w Polsce, Warszawa: OÖZK (Ośrodek Ochrony Zabytkowego Krajobrazu w Warszawie), 1998. 112 s.

51. Kołodziejczyk A. Rozprawy i studia z dziejów Tatarów litewsko-polskich i islamu w Polsce w XVII–XX w. Siedlce: Instytut Historii, Wyższa Szkoła Rolniczo – Pedagogiczna, 1997. 218 s.

52. Konopacki A. Życie religijne Tatarów na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI–XIX wieku. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2010. 253 s.

53. Konopacki I. Tatarzy na Białorusi // Rocznik Tatarów Polskich 1997. T.IV. S. 187–196.

54. Konopacki M. Piśmiennictwo Tatarów polsko-litewskich w nauce polskiej i iobcej // Przegląd Orientalistyczny (Warszawa) 1966, Nr 3(59), S. 193–205.

55. Kościelniak Ks.K. Muzułmanie polscy. Religia i kultura. Kraków: Wydawnictwo M., 2016. 244 s.

56. Kričinskis S. Lietuvių totoriai. Istorinės ir etnografinės monografijos bandymas. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. 279 s.

57. Kryczyński L. Tatarzy litewscy w wojsku polskim w powstaniu 1831 roku // Rocznik Tatarski (Wilno). 1932. T.I. S. 113–152.

58. Kryczyński S. Kronika wojenna Tatarów litewskich. Gdańsk: Związek Tatarów Polskich, 1997 / 1998. 56 s.

59. Kryczyński S. Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej. Warszawa: Wydanie Rady Centralnej Związku Kulturalno-Oświatowego Tatarów Rzeczypospolitej Polskiej, 1938. 318 s.

60. Kulwicka-Kamińska J., Łapicz Cz. (red.) Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze / Татары Великого Княжества Литовского в истории, языке и культуре / The Tatars of the Grand Duchy of Lithuania in History, Language, and Culture. Toruń: Towarzystwo naukowe w Toruniu, 2013. 340 s.

61. Łapicz Cz. Kitab Tatarów litewsko-polskich (Paleografia. Grafia. Język), Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1986. 236 s.

62. Łyszczarz M. Młode pokolenie Polskich Tatarów. Studium przemian generacyjnych młodzieży w kontekście religijności muzułmańskiej oraz tożsamości etnicznej. Olsztyn – Białystok: Uniwersytet Warmińsko-Mazurski, Muzułmański Związek Religijny w RP, 2013. 317 s.

63. Miśkiewicz A. Aleksander Sulkiwicz – uczestnik walk o niepodległość Polski, Rówieśnik i przyjaciel Józefa Piłsudskiego // Przegląd Tatarski. 2016. Nr. 4 (32). S. 18–20.

64. Miśkiewicz A. Jeszcze o tatarskim rodzie Miśkiewiczów // Przegląd Tatarski 2016, Nr. 2 (30). S. 18–20.

65. Miśkiewicz A. (red.) Słownik biograficzny Tatarów polskich XX wieku. Białystok: Muzułmański Związek Religijny w Rzeczypospolitej Polskiej, Najwyższe Kolegium Muzułmańskie, 2016. 204 s.

66. Miśkiewicz A. Tatarska legenda. Tatarzy polscy 1945 – 1990. Białystok: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1993. 131 s.

67. Miśkiewicz A. Tatarzy na ziemiach zachodnich Polski w latach 1945–2005, Gorzów Wielkopolski: Wojewódzka i Miejska Biblioteka Publiczna im. Zbigniewa Herberta, 2009. 216 s.

68. Miśkiewicz A. Tatarzy polscy 1918–1939. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990. 206 s.

69. Nalewajko P. Ponad nimi tylko niebo // Przegląd Tatarski. 2016. Nr 4 (32). S. 8.

70. Norriss H. Islam in the Baltic. Europe's Early Muslim Community, London – New York: Tauris Academic Studies, I.B. Tauris Publishers, 2009. 219 p.

71. Pavlenko S. Adas Jakubauskas – poeta litewsko-tatarski // Rocznik Tatarów Polskich 2016, T. III (XVIII). S. 257–258, 265.

72. Pawlic-Miśkiewicz B., Mucharska A., Świerblewska L. [Zespół redakcyjny] Tatarskie Love Srory [Rytuály przejścia Tatarów Polskich]. Ślub, Białystok: Muzułmański Związek Religijny w Rzeczypospolitej Polskiej, Najwyższe Kolegium Muzułmańskie, 2016. 172 s.

73. Radłowska K. Status etniczny Tatarów polskich w literaturze naukowej i w opiniach badanych // Tatarszczyzna w badaniach. Konteksty interdyscyplinarne / Research in Tatar Studies. Interdisciplinary contexts, Edited by A. Konopacki. Białystok: Związek Tatarów Rzeczypospolitej Polskiej, Oddział Podlaski, 2015. S. 101–110.

74. Sobczak J. Położenie prawne ludności tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim, Warszawa–Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984. 133 s.

75. Sobczak J. Położenie prawne tatarskich wyznawców islamu w II Rzeczypospolitej // Przegląd historyczny. 1988. T. 79. Nr 3. S. 501–520.

76. Sobolewski J. Żołnierskie wspomnienia, Białystok: Muzułmański Związek Religijny w Rzeczypospolitej Polskiej, Najwyższe Kolegium Muzułmańskie, 2014. 199 s.

77. Szapszał H.S. O zatraceniu języka ojczystego przez Tatarów w Polsce // Rocznik Tatarski. 1932. T. I. S. 34–49.

78. Szynkiewicz J. O kitabie // Rocznik Tatarski. 1932. T. I. S. 188–195.

79. [Tuhan-Baranowski M.] O Muślimach litewskich. Z notat i przekładów litewskiego Tataru Macieja Tuhana-Baranowskiego. Wydanie pośmiertne Antoniego Krumana. Warszawa: Gebethner&Wolff, 1896. 72 s.

80. Tyszkiewicz J. Olgierd, Leon i Stanisław Kryczyńscy, działacze kulturalni i badacze przeszłości Tatarów // Rocznik Tatarów Polskich. 1993. Tom I. S. 5–14.

81. Tyszkiewicz J. Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. 343 s.

82. Tyszkiewicz J. Z historii Tatarów polskich. 1794–1944. Zbiór szkiców z aneksami źródłowymi, Pułtusk: Wyższa Szkoła Humanistyczna w Pułtusku, 1998, 182 s.

83. Warmińska K. Tatarzy Polscy. Tożsamość religijna i etniczna. Kraków: Universitas, 1999. 238 s.

84. Wieczorkowski M. Katechizm z okazji ochrzczenia Tatarzyna Budziackiego. Wrocław: Inicjatywa Wydawnicza Çaxarxan Xucalic, 2012. 80 s.

85. Woronowicz A. Kitab Tatarów litewskich i jego zawartość // Rocznik Tatarski. 1935. T. II. S. 376–394.

86. Woronowicz A. Szczałki językowe Tatarów litewskich // Rocznik Tatarski. 1935. T. II. S. 351–366.

Сведения об авторе: Червонная Светлана Михайловна (Czerwonnaja Swietłana) – доктор искусствоведения, профессор, почетный доктор (Doctor Honoris Causa) Тбилисского Государственного Университета имени Ивана Джавахишвили, Карачаево-Черкесского Государственного Университета, Заслуженный деятель искусств Татарской АССР, почетный член Польского Института исследований мирового искусства (Варшава), профессор кафедры этнологии и культурной антропологии Отделения исторических наук Университета имени Николая Коперника (87-100, ул. Гагарина, 11, Торунь, Польша); swetlana@umk.pl

FUNDAMENTALS OF THE LITHUANIAN TATARS' IDENTITY: THE HISTORICAL BASIS AND CONTEMPORARY ASPECTS

S.M. Czerwonnaja

Nicolaus Copernicus University

Torun, Poland

swetlana@umk.pl

The subject of the author's research work, the results of which are presented in the article, is the ethnic group of the Lithuanian Tatars. This group derived its name from the Great Lithuanian Principality, where its formation began in the Middle Age. At present this group is indivisible in its cultural-historical dimension and consists of three

communities that reside in Poland, Lithuania, and Byelorussia and that have the legal status of ethnic minorities as part of the population of the three listed independent states. The history and culture of the Lithuanian Tatars (mainly the monuments of the material culture: wood and stone mosques, Muslim graveyards – *mizars*, manuscripts – books – *kitab*s, prayer-books – *hamails*, original paintings and graphic works – *muhirs*, similar to the *shamails* of the Kazan Tatars) has been in the focus of the European researchers' attention, including the scholars from the Lithuanian Tatars' milieu, for quite a long time already. They are also provided with the rich literature in the sphere of the closely-related humanities. At the same time, there are some obvious essential contradictions and remarkable gaps in this literature. Contentious debates on the terminological definition of the given group are being unfolded: whether it is possible to call all of the group's members "Lithuanian Tatars" regardless of their current citizenship; whether they form a separate, independent ethnos (ethnic group) or it should be considered an ethnographic group (a part of an other, greater ethnos). The least studied problem related to the foundation of the group's identity under the current conditions of its division between the three states. The author focuses her attention on these particular questionable, disputable, and insufficiently studied issues.

Keywords: ethnic self-consciousness, identity, Lithuanian Tatars' culture Lithuania and Byelorussia, Tatar communities in Poland

REFERENCES

1. Aleksandrowicz J. Litovskiye Tatory [Lithuanian Tatars]. *Izvestiya Obshchestva obsledovaniya i izucheniya Azerbaydjana – News of the Society for Observing and Studying Azerbaijan*, 1926, no. 4, pp. 77–95. (In Russian)
2. Aleksandrowicz J. Litovskiye Tatory kak chast' turkskogo Vostoka [Lithuanian Tatars as a Part of the Turkic East]. *Izvestiya Obshchestva obsledovaniya i izucheniya Azerbaydjana – News of the Society for Observing and Studying Azerbaijan*, 1927, no. 4, pp. 147–164. (In Russian)
3. Antonowicz A. *Bieloruskiye teksty pisannyye pis'mom arabskim i ikh grafiko-orfograficheskaya sistema* [Byelorussian Texts Written in the Arabic Script, and their Graphic and Orthographic System]. Vilnius, Vilnius State V. Kapsukas University Publ., 1968. 418 p. (In Russian)
4. Gasprinski I., *Russkoye musul'manstvo* [Russian Islam]. Oxford, Society for Central Asian Studies Publ., 1985. 86 p. (In Russian)
5. Grishin Y. *Polsko-litovskiye tatory (nasledniki Zolotoy Ordy)* [Polish-Lithuanian Tatars (Successors of the Golden Horde)]. Kazan, Tatar Book Publishing House, 1995. 196 p. (In Russian)
6. Dumin S. Etnogeneticheskiye korni litovskikh tatar [Ethnogenetic Roots of the Lithuanian Tatars]. *Tatarszczyzna w badaniach. Konteksty interdyscyplinarne* [Research in Tatar Studies. Interdisciplinary Contexts]. Bialystok, Union of the Polish Republic Tatars, Podlaski Department Publ., 2015, pp. 149–177. (In Russian)
7. Dumin S., Kanapacki I. *Beloryskiye tatory: minulaye i suchasnasc'* [Byelorussian Tatars; The Past and the Present]. Minsk, Polymia Publ., 1993. 206 p. (In Byeloruss)

8. Marciniak T. Musul'manskiye obshcziny v Pol'she [Muslim Communities in Poland]. *Etnograficheskoye obozreniye – Ethnographic Review*, 1995, no. 1, pp. 66–73. (In Russian)

9. Mishkinienė G. Ocherk istorii i kul'tury litovskikh tatar [Studies in Lithuanian Tatars' History and Culture]. *Diaspory*, 2005, no. 2, pp. 40–61 (In Russian)

10. Muchlinski A. *O proiskhojdenii i sostoyanii litovskikh tatar* [On the Origin and State of the Lithuanian Tatars]. St. Petersburg, St.-Petersburg University Publ., 1857. 70 p. (In Russian)

11. Olszewski W. Urovni identifikatsii polskikh tatar v istoriko-etnologicheskom kontekstie [Levels of the Polish Tatars' Identification in the Historical-Ethnological Context]. *Etnicheskaya istoriya i kul'tura turkskikh narodov Yevrazii: Sb. nauch. tr.* [Ethnic History and Culture of the Euro-Asia's Turkic Peoples: Collection of Research Papers]. Omsk, Poligrafist Publ., 2011, pp. 5–8. (In Russian)

12. Rezmer W. Tatarskiy polk ulanov imieni polkovnika Akhmatovicha [The Colonel Achmatowicz Regiment of the Tatar Uhlans]. *Etnicheskaya istoriya i kul'tura turkskikh narodov Yevrazii: Sb. nauch. tr.* [Ethnic History and Culture of Euro-Asia's Turkic Peoples: Collection of Research Papers]. Omsk, Poligrafist Publ., 2011, pp. 279–281. (In Russian)

13. Stankiewicz Y. *Bieloruskiye musul'manie i bieloruskaya literatura* [Byelorussian Muslims and Byelorussian Literature]. Vilnius, Y. Levin's Publish House, 1933. 34 p. (In Belorussian)

14. Czerwonnaja S. Polsko-litovskiye tatary – zapadny forpost islama v Evropie [The Polish-Lithuanian Tatars – the Western Out-post of the Islam in Europe]. *Vestnik Moskovskogo Islamskogo Universiteta – Moscow Islamic University's Journal*, 2010, no. 2, pp. 93–117. (In Russian)

15. Czerwonnaja S. Poeziya i jurnalistika Selima Chazbijewicza [The Poetry and the Journalism of Selim Chazbijewicz]. *Estetyczne aspekty literatury polskich, białoruskich i litewskich Tatarów (od XVI do XXI w.)*. Edited by G. Czerwiński & A. Konopacki. Białystok, The Department of Philology West – East, University in Białystok, Union of the Polish Republic's Tatars Publ., 2015, pp. 143–163. (In Russian)

16. Aleksandrowicz M. Legendy, znachorstwo, wróżby i gusła ludu muzulmańskiego w Polsce [Legends, Sorcererhood, and Divinations of the Muslim People in Poland]. *Rocznik Tatarski – Vintage Tatar*, 1935. vol. II, pp. 368–375. (In Polish)

17. Bajraszewski E. Wspomnienia [Memoirs]. *Rocznik Tatarów Polskich – Yearbook of Polish Tatars*, 1993. vol. I, pp. 103–108. (In Polish)

18. Barašauskaite T. *Lietuvių totoriai XIX amžiuje* [Lithuanian Tatars in the 19th Century]. Vilnius, Mintis Publ., 1996. 331 p. (In Lithuanian)

19. Bek J.V. *Zarys historii wojennej Tatarskiego Pułku Ułanów imienia pułkownika Mustafy Achmatowicza* [Study in the Military History of the Mustafa Achmatowicz Tatar Uhlans' Regiment]. First Publishing: Warsaw 1933, Second Publishing: Gdańsk – Białystok, Muslim life Publ., 1990. 48 p. (In Polish)

20. Berger R. Pułkownik Jakub Romanowicz w listach [The Colonel Jakub Romanowicz in the Letters]. *Rocznik Tatarów Polskich – Yearbook of Polish Tatars*, 2016, vol. III (XVII), series 2, pp. 271–279. (In Polish)

21. Bogdanowicz R. Sabantuj w Kruszynianach [Sanatuy in Krushiniany]. *Przegląd Tatarski – Tatar Review*, 2016, no. 4 (32), pp. 3–4. (In Polish)

22. Bohdanowicz L. The Muslims in Poland. Their Origin, History, and Cultural Life. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1942, October, pp. 163–180. (In English)

23. Bohdanowicz L., Chazbijewicz S., Tyszkiewicz J. *Tatarzy Muzułmanie w Polsce* [The Tatars-Muslims in Poland]. Gdańsk, Independent Publ. Polish Tatars, Union of the Polish Republic Tatars Publ., 1997. 105 p. + il. (In Polish)

24. Borawski P., Dubiński A. *Tatarzy polscy. Dzieje, obrzędy, legendy, tradycje* [Polish Tatars. Their Activity, Rites, Legends, Traditions]. Warsaw, Iskry Publ., 1986. 274 p. (In Polish)

25. Chazbijewicz S. *Krym i Wilno* [Crimea and Vilnius]. Gdańsk, Edited by the author without Publ., 1999. [16 p.]. (In Polish)

26. Chazbijewicz S. Kultura literacka Tatarów polskich [The Literary Culture of the Polish Tatars]. *Rocznik Tatarów Polskich – Yearbook of Polish Tatars*, 1994, vol. II, pp. 240–247. (In Polish)

27. Chazbijewicz S. Kultura religijna Tatarów polskich [The Religious Culture of the Polish Tatars]. *Rocznik Tatarów Polskich – Yearbook of Polish Tatars*, 1995, vol. II, pp. 66–88. (In Polish)

28. Chazbijewicz S. Prasa tatarsko-muzułmańska w Polsce w latach 1939–1996 [The Tatar-Muslim Periodicals in Poland in 1939–1996]. *Rocznik Tatarów Polskich – Yearbook of Polish Tatars*, 1995, vol. III, pp. 87–103. (In Polish)

29. Chazbijewicz S. Wpływ sufizmu (tasawwuf) na zwyczaje muzułmanów w Polsce [The Influence of Sufizm (Tasawwuf) on the Muslims' Customs in Poland]. *Życie Muzułmańskie – Muslim life*, 1988, no. 9, p. 32. (In Polish)

30. Chazbijewicz S., Czachorowski M. *Tylko niebo* (Only the Heaven]. Wrocław – Białystok, Çaxarxan Xucalic Publish House, Muslim Religious Union in the Polish Republic, High Muslim Collegium Publ., 2016. 27 p. (In Polish)

31. Chazbijewicz S., Moćkun S. *Tatarzy pod Grunwaldem* [The Tatars in Grunwald]. Grunwald, Museum of the Battle in Grunwald Publ., 2012. 64 p. (In Polish)

32. Czachorowski M.Ç. *Czasopiśmiennictwo tatarskie i muzułmańskie w Polsce w latach 1945–2015* [Tatar and Muslim Periodicals in Poland in the Years of 1945–2015]. Wrocław, Çaxarxan Xucalic Publ., 2015. 74 p. (In Polish)

33. Czachorowski M., Szahidewicz H. (editor). *Oto moje dziedzictwo* [It is My Legacy]. Wrocław – Białystok, Muslim Union of the Polish Republic, Çaxarxan Xucalic Publ., 2010. 111 p. (In Polish)

34. Czerwiński G. Istoriya – geografiya – geopoetika. O vozmojnykh metodakh analiza proizvedeniy sovremennoy khudojestvennoy literatury polskikh, litovskikh i bieloruskikh tatar [History – Geography – Geo-poetics. On the Possible Analysis Methods of the Polish, Lithuanian, and Byelorussian Tatars' Belletristic Works]. *Slavia Orientalis*, 2015, vol. LXIV, no. 2, pp. 331–346. (In Russian)

35. Czerwonnaja S., Chazbijewicz S. *Tatarzy Krymscy – Tatarzy Polsko-Litewscy* [Crimean Tatars – Polsko-Lithuanian Tatars]. Toruń, Nicolaus Copernicus University Scientific Publ., 2013. 292 p. (In Polish and Russian)

36. Dmitruk S. Prasa mniejszości tatarskiej w Polsce w latach 1996–2008 [Periodicals of the Tatar Minority in Poland in the years of 1996–2008]. *Tatarzy – historia i kultura, materiały z sesji naukowej w Szreniawie 26–27 czerwca 2009* [Tatars – History and Culture, Proc. of the Conference in Szreniawa at June 26–27th 2009], Edited by S. Chazbijewicz. Szreniawa, 2009, pp. 55–71. (In Polish)

37. Drozd A. *Corpus Inscriptionum Tartarorum Poloniae et Lithuaniae* [Collection of the Polish and Lithuanian Tatars' Scripts]. vol. I. Studzianka, Warsaw, Polish Orientalistic Association Publ., 2016. 614 p. (In Polish)

38. Drozd A. Nowe odkrycia w badaniach nad piśmiennictwem tatarskim [New Discoveries in Studies on the Tatar Writing]. *Rocznik Tatarów Polskich – Yearbook of Polish Tatars*, 1994, vol. II, pp. 218–230. (In Polish)

39. Drozd A., Dziekan M., Majda T. *Meczety i cmentarze Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich* [The Mosques and Graveyards of the Polish-Lithuanian Tatars. The Catalogue of Tatar Monuments]. vol. II. Warsaw, Res Publica Multietnica Publish House, 1999. 100 p. + 309 il. (In Polish)

40. Drozd A., Dziekan M., Majda T. *Piśmiennictwo I muhiry Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich* [Writing Works and Muhirs of the Polish-Lithuanian Tatars. The Catalogue of Tatar Monuments]. vol. III. Warsaw, Res Publica Multietnica Publish House, 2000. 84 p. + 178 il. (In Polish)

41. Dumin S. *Herbarz rodzin tatarskich Wielkiego Księstwa Litewskiego* [Heraldry of the Tatar Families in the Great Lithuanian Principality]. Gdańsk, Union of the Polish Tatars Publ., 1999. 140 p. (In Polish)

42. Fabijonavičius J. Totoriai – Lietuvos senbuviai [The Tatars as Old Inhabitants in Lithuania]. *Mokslas ir gyvenimas – Science and Life*, 1990, no. 12 pp. 24–25. (In Lithuanian)

43. Grygaitis K. Osadnictwo Tatarów gospodarskich w Wielkim Księstwie Litewskim XIV–XVIII w. [Tatar Landowners' Moving (Installation) in the Great Lithuanian Principality in the 14th – 18th Centuries]. *Rocznik Tatarów Polskich – Yearbook of Polish Tatars*, 2003, vol. VIII, pp. 25–26. (In Polish)

44. Gutowski J. *Broń i uzbrojenie Tatarów. Katalog zabytków tatarskich* [Tatars' Weapons and Arming. The Catalogue of Tatar Monuments]. vol. I. Warsaw, Res Publica Multietnica Publish House, 1997. 70 p. + 101 il. (In Polish)

45. Jakubauskas A., Sitdykov G., Dumin S. *Lietuvos totoriai istorijoje ir kultūroje / Litovskiyе tatarы v istorii i kulturie* [The Lithuanian Tatars in History and Culture]. Kaunas, Union of the Lithuanian Tatars' Communities Publ., 2009. 307 p. (In Lithuanian and Russian)

46. Janowicz-Czaińska Drotlew Z. *Przez lasy Syberii do Wielkiej Brytanii* [Through Siberian Forests to the Great Britain]. Gdańsk, Union of the Polish Tatars Publ., *Rocznik Tatarów Polskich* Publ., 2001. 112 p. + il. (In Polish)

47. Jasiewicz Z. Tatarzy polscy. Grupa etniczna czy etnograficzna? [Polish Tatars. An Ethnic Group or an Ethnographic Group?]. *Lud – People*, 1980, no. 64, pp. 145–157. (In Polish)

48. Jaskulski W. *Półkownik Józef Korycki – Tatarski artylerzysta II Rzeczypospolitej (zarys biografii)* [The Colonel Józef Korycki – the Tatar Artillerist in the Second Polish Republic (A Biographical Study)]. Wrocław, Çaxarxan Xucalic Publish House, 2012. 99 p. (In Polish)

49. Kamocki J. Tatarzy polscy, jako grupa etnograficzna [The Polish Tatars as an ethnographic group]. *Rocznik Tatarów Polskich – Yearbook of Polish Tatars*, 1993 [Gdańsk, vol. I], pp. 43–47. (In Polish)

50. Kołodziejczyk A. *Cmentarze muzułmańskie w Polsce* [Muslim Cemeteries in Poland]. Warsaw, Center of the Landscapes' and Monuments' Safeguarding in Warsaw Publ., 1998. 112 p. (In Polish)

51. Kołodziejczyk A. *Rozprawy i studia z dziejów Tatarów litewsko-polskich i islamu w Polsce w XVII–XX w.* [Studies and Investigations on the Activity of the Lithuanian-Polish Tatars and of Islam in Poland in the 17th – 18th Centuries]. Siedlce,

Institute of the History, High Agrarian-Pedagogical School Publ., 1997. 218 p. (In Polish)

52. Konopacki A. *Życie religijne Tatarów na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI–XIX wieku* [The Religious Life of the Tatars on the lands of the Great Lithuanian Principality in the 16th – 19th Centuries]. Warsaw, Warsawer University Publ., 2010. 253 p. (In Polish)

53. Konopacki I. Tatarzy na Białorusi [The Tatars in the Byelorussia], *Rocznik Tatarów Polskich – Yearbook of Polish Tatars*, 1997 vol. IV, pp. 187–196. (In Polish)

54. Konopacki M. Piśmiennictwo Tatarów polsko-litewskich w nauce polskiej i obcej [The Writing System of the Lithuanian-Polish Tatars in the Polish and Foreign Research]. *Przegląd Orientalistyczny – Orientalist Review*, 1966, no. 3 (59), pp. 193–205. (In Polish)

55. Kościelniak Ks. K. *Muzułmanie polscy. Religia i kultura* [The Polish Muslims. Religion and Culture]. Cracow, Publish House M. (Wydawnictwo M.), 2016. 244 p. (In Polish)

56. Kričinskis S. *Lietuvių totoriai. Istorinės ir etnografinės monografijos bandymas* [The Lithuanian Tatars. An attempt of a Historical and Ethnographical Monography]. Vilnius, The Publish House for Science and Encyclopaedia, 1993. 279 p. (In Lithuanian)

57. Kryczyński L. Tatarzy litewscy w wojsku polskim w powstaniu 1831 roku [Lithuanian Tatars in the Polish Army during the Insurrection 1831]. *Rocznik Tatarski – Vintage Tatar*, 1932, vol.1, pp. 113–152. (In Polish)

58. Kryczyński S. *Kronika wojenna Tatarów litewskich* [The Military Chronicle of the Lithuanian Tatars]. Gdańsk, Union of the Polish Tatars Publ., 1997 / 1998. 56 p. (In Polish)

59. Kryczyński S. *Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej* [The Lithuanian Tatars. An Attempt of a Historical and Ethnographical Monography]. Warsaw, The Cultural-Educational Union of the Tatars in the Polish Republic Publ., 1938. 318 p. (In Polish)

60. Kulwicka-Kamińska J., Łapicz Cz. (editor) *Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze / Tatars of the Grand Duchy of Lithuania in History, Language, and Culture*. Toruń, Scientific Association in Toruń Publ., 2013. 340 p. (In Polish, Russian and English)

61. Łapicz Cz. *Kitab Tatarów litewsko-polskich (Paleografia. Grafia. Język)* [The Kitab (Book) of the Lithuanian-Polish Tatars (Paleografia, Grafika, Language)]. Toruń, Nicolaus Copernicus University Publ., 1986. 236 p. (In Polish)

62. Łyszczarz M. *Młode pokolenie Polskich Tatarów. Studium przemian generacyjnych młodzieży w kontekście religijności muzułmańskiej oraz tożsamości etnicznej* [The Young Generation of the Polish Tatars: The Study of Changes in the Youth in the Context of the Muslim Religiosity and Ethnic Identity]. Olsztyn – Białystok, Warmińsko-Mazurski University, Muslim Religious Union Publ., 2013. 317 p. (In Polish)

63. Miśkiewicz A. Aleksander Sulikiewicz – uczestnik walk o niepodległość Polski, Rówieśnik i przyjaciel Józefa Piłsudskiego [Aleksander Sulikiewicz – a Participant in the Struggle for the Poland's Independence, a person of the Same Age with Józef Piłsudski and his Friend]. *Przegląd Tatarski – Tatar Review*, 2016, no. 4 (32), pp. 18–20. (In Polish)

64. Miśkiewicz A. Jeszcze o tatarskim rodzie Miśkiewiczów [Once again about the Tatar Family (Clan) Miśkiewicz]. *Przegląd Tatarski – Tatar Review*, 2016, no 2 (30), pp. 18–20. (In Polish)

65. Miśkiewicz A. (editor) *Słownik biograficzny Tatarów polskich XX wieku* [The Biographical Lexicon of Polish Tatars in the 20th Century]. Białystok, The Muslim Religious Union in the Polish Republic, the High Muslim Collegium Publ., 2016. 204 p. (In Polish)

66. Miśkiewicz A. *Tatarska legenda. Tatarzy polscy 1945 – 1990* [The Tatar Legend. The Polish Tatars 1945–1990]. Białystok, Krajowa Agencja Wydawnicza Publish House, 1993. 131 p. (In Polish)

67. Miśkiewicz A. *Tatarzy na ziemiach zachodnich Polski w latach 1945–2005* [The Tatars on the Western Lands of Poland in the Years of 1945–2005]. Gorzów Wielkopolski, The Zbigniew Herbert Public Library Publ., 2009. 216 p. (In Polish)

68. Miśkiewicz A. *Tatarzy polscy 1918–1939* [The Polish Tatars 1918–1939]. Warsaw, State Scientific Publish House, 1990. 206 p. (In Polish)

69. Nalewajko P. Ponad nimi tylko niebo [Above Them – only the Heaven]. *Przegląd Tatarski – Tatar Review*, 2016, no 4 (32), p. 8. (In Polish)

70. Norrrys H. *Islam in the Baltic. Europe's Early Muslim Community*. London – New York, Tauris Academic Studies, I.B. Tauris Publishers, 2009. 219 p. (In English)

71. Pavlenko S. Adas Jakubauskas – poeta litewsko-tatarski [Adas Jakubauskas – the Lithuanian-Tatar Poet]. *Rocznik Tatarów Polskich – Yearbook of Polish Tatars*, 2016, vol. III (XVIII), pp. 257–258, 265. (In Polish)

72. Pawlic-Miśkiewicz B., Mucharska A., Świerblewska L. (editor) *Tatarskie Love Story. Ślub [Rytuły przejścia Tatarów Polskich]* [Tatar Love Stories (Wedding Rites of the Polish Tatars)]. Białystok, The Muslim Religious Union in the Polish Republic, the High Muslim Collegium Publ., 2016. 172 p. (In Polish)

73. Radłowska K. Status etniczny Tatarów polskich w literaturze naukowej i w opiniach badanych [The Ethnic Status of the Polish Tatars in the Scientific Literature and in the Opinions of Researchers]. *Tatarszczyzna w badaniach. Konteksty interdyscyplinarne* [Research in Tatar Studies. Interdisciplinary contexts]. Białystok, Union of the Polish Republic Tatars Publ., 2015, pp. 101–110. (In Polish)

74. Sobczak J. *Położenie prawne ludności tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim* [The Legal Situation of the Tatar Population in the Great Lithuanian Principality]. Warsaw – Poznań, State Scientific Publish House, 1984. 133 p. (In Polish)

75. Sobczak J. Położenie prawne tatarskich wyznawców islamu w II Rzeczypospolitej [The Legal Situation of the Tatar Believers of Islam in the Second Polish Republic]. *Przegląd historyczny – Historical Review*, 1988, vol. 79, no 3, pp. 501–520. (In Polish)

76. Sobolewski J. *Żołnierskie wspomnienia* [Soldier's Memoirs], Białystok, The Muslim Religious Union in the Polish Republic, the High Muslim Collegium Publ., 2014. 199 p. (In Polish)

77. Szpasał H.S. O zatraceniu języka ojczystego przez Tatarów w Polsce [About the Loss of the Mother Language by the Tatars in Poland]. *Rocznik Tatarski – Vintage Tatar*, 1932, vol. 1, pp. 34–49. (In Polish)

78. Szykiewicz J. O kitabie [About the kitab (the Tatar Book)]. *Rocznik Tatarski – Vintage Tatar*, 1932, vol. I, pp. 188–195. (In Polish)

79. [Tuhana-Baranowski M.] *O Muślimach litewskich. Z notat i przekładów litewskiego Tataru Macieja Tuhana-Baranowskiego*. [About the Lithuanian Muslims.

Червоная С.М. Основы идентичности литовских татар:
исторический фундамент и современный ракурс

From the Notes and Translations of the Lithuanian Tatar Maciej Tuhana-Baranowski]. Warsaw, Gebethner&Wolff Publ., 1896. 72 p. (In Polish)

80. Tyszkiewicz J. Olgierd, Leon i Stanisław Kryczyńscy, działacze kulturalni i badacze przeszłości Tatarów [Olgierd, Leon and Stanisław Kryczyńscy – Public Figures in the Culture, Researchers of the Tatars' Past]. *Rocznik Tatarów Polskich – Yearbook of Polish Tatars*, 1993 [vol I], pp. 5–14. (In Polish)

81. Tyszkiewicz J. *Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w.* [Tatars in Lithuania and Poland. Studies of their activities in 13th – 18th Centuries]. Warsaw, State Scientific Publish House, 1989. 343 p. (In Polish)

82. Tyszkiewicz J. *Z historii Tatarów polskich. 1794–1944. Zbiór szkiców z aneksami źródłowymi* [From the History of the Polish Tatars. 1794 – 1944. Collection of Essays with Attachments from the Searches]. Pułtusk, The High Humanistic School Publ., 1998. 182 p. (In Polish)

83. Warمیńska K. *Tatarzy Polscy. Tożsamość religijna i etniczna* [The Polish Tatars. Their Religious and Ethnic Identity]. Cracow, Universitas Publish House, 1999. 238 p. (In Polish)

84. Wiczorkowski M. *Katechizm z okazji ochrzczenia Tatarzyna Budziackiego* [A Catechism in Relation to the Baptism of the Tatar Budziacki]. Wrocław, Çaxarxan Xucalic Publish House, 2012. 80 p. (In Polish)

85. Woronowicz A. *Kitab Tatarów litewskich i jego zawartość* [The Kitab (Book) of the Lithuanian Tatars and Its Content]. *Rocznik Tatarski – Vintage Tatar*, 1935, vol. II, pp. 376–394. (In Polish)

86. Woronowicz A. *Szczątki językowe Tatarów litewskich* [The Old Fragments and Reminders in The Language of the Lithuanian Tatars]. *Rocznik Tatarski – Vintage Tatar*, 1935, vol. II, pp. 351–366. (In Polish)

About the author: Swietłana (Svetlana) M. Czerwonnaja is a Prof. ord., Dr. hab. of Humanistic Science (History of the Arts), Doctor Honoris Causa of the Tbilissi Iwan Djavakhishvili State University (Georgia), Doctor Honoris Causa of the Katachay-Cherkessian State University (Russian Federation), Honoured Scientist for Tatar ASSR, Honorary member of the Polish Institute for World Art Studies (Warsaw, Poland), Professor of the Department of Historical Studies, Subdepartment of Ethnology and Cultural Anthropology, Nicolaus Copernicus University (11, Gagarin Str., Toruń 87-100, Poland); swetlana@umk.pl

К статье: *Червоная С.М. Основы идентичности литовских татар: исторический фундамент и современный ракурс*



Рис. 1. Мечеть в поселке Сорок Татар (Keturiasdešimt Totorių) под Вильнюсом, Литва. Памятник деревянного народного творчества литовских татар. Мечеть построена в 1615–1616 гг. на месте и по образцу более древней мечети, которая, согласно народной легенде, была первой мечетью татарских поселенцев («осадников») на земле Великого Княжества Литовского (возведена на рубеже XIV–XV вв. при князе Витаутасе Великом). Ремонт здания произведен в 1993 г. Авторский снимок 2013 г.



Рис. 2. Соборная (Джами) мечеть литовских татар в Каунасе, Литва. Построена в 1930–1933 гг. Архитектор Вацлав Михневич / Waclaw Michniewicz (1862–1947). Авторский снимок 2011 г.



Рис. 3. Интерьер деревянной мечети в поселке Богоники (Bohoniki) Подляского воеводства, Польша. Памятник деревянного народного зодчества литовских татар, начало XIX в. Ремонт здания произведен в 1982 г. Коллекция живописных, тканых, вышитых и печатных мухиров формировалась на протяжении XX в. Авторский снимок 2014 г.



Рис. 4. Татарское мусульманское кладбище (мизар) в поселке Крушиняны (Kruszyniany) Подляского воеводства, Польша. Каменные надгробия литовских татар, воздвигнутые на протяжении XVIII–XX вв. Авторский снимок 2016 г.



Рис. 5. Аграрно-туристический комплекс «Татарская юрта» в поселке Крушиняны (Kruszyniany) Подляского воеводства, Польша. Построен в 2012–2016 гг. по инициативе местной татарки Дженетты Богданович. Авторский снимок 2016 г.